

ЯН БАДЕВСКИЙ

ПЕРЕВЕРНУТАЯ
ЛУНА

Ян Бадевский

Перевернутая луна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70336834

SelfPub; 2024

Аннотация

Наши дни. Альтернативная реальность, в которой Япония одержала победу над США во Второй мировой, а СССР лишился части своих территорий. Высокие технологии, вживление имплантов, шаманы на госслужбе. В Хабаровске вы встретитесь с девушкой по имени Наоки – она штурмовик элитного подразделения «Альфа», входящего в структуру Министерства Потусторонних Дел. Днем Наоки живет обычной жизнью, а по ночам истребляет оборотней, которые лезут в ее мир неизвестно откуда. Всё летит к чертям, когда девушка узнает о смерти брата. Наоки в ярости. Она не успокоится, пока не отомстит.

Содержание

Бар «Диаблеро»	4
Наоки	35
Тейн	65
Из Хабаровска с ненавистью	92
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Ян Бадевский

Перевернутая луна

Бар «Диаблеро»

Туман сгустился над городом.

Верхушки кондоминиумов утонули в неоновой мгле. Асфальт влажно поблескивал, в нем отражались искаженные витрины бутиков и цепочки сросшихся в бесконечные линии фонарей. По проспекту с шорохом проносились машины.

Прохожие спешили домой.

Час послезакатя.

Опасное время.

Из подземного перехода вышел человек в полупрозрачном дождевике. Молодой парень с короткой стрижкой. Неприметный, худой, сосредоточенный. Вышел, осмотрелся и уверенно зашагал сквозь ночь мимо билборда, на котором аппетитные девушки рекламировали осеннюю коллекцию модного дизайнера. Модели очаровательно улыбались, демонстрировали массивные ботинки на толстой подошве и кутались в бежевые свитера.

У автобусной остановки парень расстегнул дождевик. Поднял голову, всматриваясь в провал уличного каньона.

Вниз спикировало аэротакси.

Четыре голубых кольца, плазменная вставка с шашечками. Голограмма с тремя единицами, похожими на топоры.

Машина опустилась до уровня тротуара – почти бесшумная, разве что турбоприводы издавали мерное гудение на пределе слышимости. Зазор между кольцами и мостовой составлял не больше десяти сантиметров. В обтекаемом желтом корпусе поселились неоновые всполохи.

Дверца отъехала вверх.

Из салона пахло теплом.

Прохожий влез на переднее сиденье и кивнул водителю – широкоплечему бородачу в расстегнутом шерстяном кардигане. Дверь встала на место. Бородач покосился на пассажира:

– Куда летим?

– Бар «Диаблеро». Это...

– Я знаю, – перебил таксист. И отметил нужную точку в сенсорном навигаторе. Лицо бородача неуловимо изменилось – маршрут его не радовал.

Такси взмыло над мостовой, набрало высоту и повернуло на юг – туда где простирались пригороды.

Пасть мегаполиса пожрала добычу.

В мутном полумраке фонари казались волшебными лампами, бросающими вызов послезакатью. Ситилайты расплывались прямоугольными пятнами по стеклу. Исполинские жилые корпуса плели сложную вязь многоклеточных узоров,

утопающих в белесой дымке.

– Дрянная погода, – пожаловался таксист.

– У вас же навигатор.

– Я не про то.

– Обратней боитесь? – догадался пассажир.

Бородач кивнул.

Сухо добавил:

– Вас отвезу – и конец смены.

Помолчали.

Человек задумчиво смотрел на проносящиеся мимо кварталы. В срезе, из которого он пришел, дождь окутал старые дома несмолкаемым шорохом. Птицы с облаками разлетались в лужах.

– Разве их не сдерживает Пояс? – нарушил тишину пассажир.

Бородач непонимающе уставился на клиента.

– Перевертов, – пояснил свою мысль парень в дождевике. – Это же Столп, или я не прав?

– Всё так, – вздохнул таксист, – но оборотни с недавних пор просачиваются и на *наши* территории. Никто не знает – почему.

Пассажир нахмурился.

Мимо проплывали урбанистические ландшафты Тенокса, одного из крупнейших агломератов Столпа.

– Откуда приехали? – таксиста явно тянуло на разговор.

– Из другого слоя.

– В самом деле?

– Точно, – усмехнулся пассажир. – Там дождь идет.

Водитель с понимающим видом кивнул.

– А что в Теноксе забыли?

– Встретиться надо кое с кем.

– Давай на «ты», – неожиданно предложил таксист.

– Без проблем.

– Так вот, – как ни в чем не бывало продолжил бородач, – погода сегодня дрянная, а почему?оборотни любят туман. Висят на балконах мордой вниз, а их и не видно совсем. Забираются высоко, подонки. На таксистов нападают.

– Серьезно?

– Вот мы сейчас по Академической с тобой летим. Посмотри, как дома прижались друг к дружке. Одна полоса, разойтись только по вертикали.

– Тут метров пять ширины, – согласился пассажир.

– Четыре.

– И что?

– Перепрыгивают. Со стены на стену. И могут на машину упасть, пробить крышу. Мощные, суки.

Гость из иного среза не ответил. Он знал, куда идет. И подготовился к любым неожиданностям. Частично оккупированные слои – большая редкость. Переверты вторгаются и начинают повально инициировать всех подряд. В итоге мир перестает быть человеческим. В зависимости от сопротивления коренных обитателей на экспансию могут уйти месяцы

или годы. В конечном итоге, если не приходит на помощь профсоюз, люди вымирают.

Столп держится несколько веков.

Благодаря Поясу.

– Автопилота нет? – поинтересовался пассажир.

– Есть, – нехотя ответил таксист, ловко орудуя джойстиками. – Только я не пользуюсь.

– А чего так?

Улица напоминала расщелину в скалах. Морось и мгла скрадывали очертания, но оконной подсветки хватало, чтобы рассмотреть выдвинутые в пропасть лоджии, террасы, зарешеченные эркеры, вогнутые линзы спутниковых тарелок и растянутые между домами тросики для сушки белья. Местные жители пропускали тросы через блочную систему, что облегчало процесс развешивания. Таксист, ругаясь вполголоса, лавировал среди этого хаоса, уклоняясь от одеял, простыней, наволочек и детской одежды. Пассажир восхитился мастерством водителя – он сам непременно врезался бы в один из балкончиков или нацепил выцветшие шмотки на передний бампер.

– Спутники глючат, – пояснил таксист. – А у меня всё по геолокации. Не знаю, что там. В новостях писали про ДДОС-атаку.

– Поднимись выше.

Водила покачал головой.

– Не, так это не работает. Видишь вон те штуки в стенах?

Пассажира проследил за пальцем таксиста и увидел странные выросты в стенах кондоминиумов. Выросты напоминали серые цилиндры, пространство вокруг них искажалось. Словно марево в пустыне.

– Что это?

– Магические трансмиттеры. Запитывают мои кольца тяги, если ты не понял. У них радиус действия – в пределах двадцати метров. Нужен непрерывный контакт для плавного хода.

– А если выйдешь из зоны покрытия?

– Ну, падать мы, конечно, не начнем, – хмыкнул таксист, – но приготовься к болтанке. Заряда хватит минут на пять, а потом – вжух.

Жест водилы красноречиво говорил о последствиях.

– Но я обычно успеваю перескочить в новую зону, так что не ссы, амиго, – успокоил бородач. – Как тебя зовут?

– Мичи, – представился парень.

– Гонсалес, – водитель сбросил высоту, уклоняясь от гофрированной трубы. – Меня все знают.

Мичи видел, что лобовое стекло оцифровывает картинку. Если бы аэротакси не имело такой опции, Гонсалесу пришлось бы туго. А так – препятствия выразительно очерчивались, тени осветлялись, туман редактировался и почти пропадавал. Всё это напоминало качественную анимацию – из тех, что не отличить от реального кино. Боковые стекла, напротив, демонстрировали неприглядную и эклектичную реаль-

ность. В стороне от проспекта Республиканцев лежали старые кварталы с многоэтажными и ветхими домами, которые сами жильцы непрерывно модернизировали. Трансмиттеры были разбросаны через равные промежутки, они напомнили Мичи присоски гусеницы. Такого не встретишь ни в одном из миров Многослойности. Если неведомым монтажникам мешал балкон или выступ карниза, помеха безжалостно сносила. Взгляд Мичи зацепился за окно квартиры, часть которого была запечатана трансмиттерной окружностью. Словно штамп на фотографии, вклеенной в паспорт.

– Ты – ведун, – уверенно заявил Гонсалес.

– Почему?

– Больше никто не умеет пробивать порталы. Наши ведунны пачками шныряют в чужие миры, я знаю.

Каньон неожиданно влился в площадь, по периметру которой возводились новенькие высотки. В небе лениво вращались башенные краны.

Машина рухнула вниз.

– Держись, – предупредил Гонсалес.

К счастью, Мичи успел пристегнуться.

Свободное падение замедлилось, когда машина достигла пятнадцатиметровой отметки. Здесь трансмиттеры были вынесены на мощные железобетонные столбы с фонарными дугами. Коридор вливался в бульвар Теплого Ветра и вращался в пышные кроны деревьев.

– Ты не зарядился?

– Извини, амиго, – таксист почесал в затылке. – Отвлёкся.

– На что?

– Показалось.

– Что показалось?

– Черные тени на крышах. Двигались за нами. Потом исчезли.

Мичи выглянул в боковое окно. Аэротакси мчалось над вечерним бульваром, отбрасывая продолговатую тень на мостовую. Среди деревьев мелькали фигурки прохожих, велосипеды и электросамокаты. Справа и слева вдоль центральной аллеи протянулись четырехполоски. Оттуда доносился непрерывный шум наземных автомобилей.

– Здесь их можно убивать?

– Кого? – не понял таксист.

– Перевертов.

– Конечно, – хмыкнул Гонсалес. – У нас перемирие, забыл? Говнюки не могут охотиться на людей после заката, это запрещено.

Мичи кивнул.

И начал творить странные вещи.

Закрыв глаза, прошептал что-то на неведомом языке, стал водить перед собой руками, вычерчивая в воздухе квадрат. Гонсалес косился на пассажира, но не комментировал происходящее. Бородач уже не сомневался, что к нему в машину подсел ведун из параллельного среза. Чужак. Не из тех, что возвели Пояс Защиты.

В лобовое стекло аэротакси вмонтировалась дверца ячеек. Похоже на камеру хранения, но с обратной стороны стекло продолжало оставаться обтекаемым.

– Что ты творишь? – не выдержал Гонсалес.

– Не переживай, – голос Мичи стал властным. – Это временный межпространственный тайник. Он исчезнет.

Мичи протянул руку и открыл дверь в стекле, вложив пальцы в крохотное углубление. Тайник оказался вместительным – около метра в глубину. С подсветочкой.

Пассажир вытащил из ниши оружие.

Штуковина здорово напоминала автоматическое гладкоствольное ружье, только с ручкой и прикладом как у автомата. Рожок отсутствовал.

– Что это?

Аэротакси свернуло с бульвара по боковому ответвлению транзиттеров. Ландшафт изменился. Справа и слева вновь потянулась историческая застройка, а стены домов подступили к дороге. Пешеходные тротуары внизу были узкими, двоим проходим не разминуться.

– Корейский дробовик, – похвастался пассажир. – Надежная вещь.

Гонсалесу оставалось лишь кивнуть. Сам он носил серебряный крест на цепочке, заговоренный ведунами талисман в кармане брюк и отцовский выкидной нож. Слабенькая защита, но до сих пор водителю везло.

Мичи держал в руках «USAS-12» из конгломерата

Daewoo. Затворная группа в таких игрушках откатывается в пустой приклад, что снижает отдачу. Можно вставлять барабанные и коробчатые магазины. Прицельная дальность – полсотни метров. Скорострельность – 360 выстрелов в минуту. Для городских боев с оборотнями лучше и не придумаешь.

Дверца в лобовом стекле исчезла.

– А ты мастак, – похвалил Гонсалес.

Мичи не ответил. Протянув руку, открыл бардачок и начал вытаскивать оттуда рожки. Каждый – на десять патронов.

– В моем бардачке этого не было! – возмутился таксист.

– Теперь есть, – сообщил Мичи.

Первый рожок клиент со щелчком вогнал в дробовик. Переряднул затвор, снял оружие с предохранителя. Остальные магазины, а их было четыре, пассажир рассовал по карманам легкого кашемирового пальто. Дождевик Мичи успел снять и забросить на заднее сиденье.

– Похоже на автомат, – заметил Гонсалес.

– Это дробовик.

Водитель опасно заглянул в бардачок.

Пусто.

– Я разорвал связь, – ухмыльнулся Мичи.

Старинные здания уступили место трущобам. Улочки стали совсем кривыми, не соблюдалась даже видимость разумной планировки. Некоторые пятиэтажки напоминали кон-

структор, обросший пристройками, лоджиями, крохотными магазинчиками и закулочными. По тротуарам носились байки, распуговая припоздлившихся гуляк. Никаких парковок. Наземные автомобили и аэрокары стояли где ни попадя – на пешеходных переходах, в арочных провалах, вдоль дороги. Трансмиттеры в этом районе имели обшарпанный вид.

– Не отвлекайся, – предупредил Мичи.

И опустил боковое стекло нажатием кнопки электропривода.

– Совсем офонарел?

В салон проникли запахи неблагополучных кварталов. Готовящаяся еда, дым от марихуаны, кофе, дешёвый алкоголь, вонь канализации. Всё это перемешалось в причудливую мозаику.

От стены ближайшего дома отделился большой косматый силуэт. Гонсалес успел заметить протянутые вперед лапы, звериный оскал, вздыбленную шерсть. Мутная картина в отблесках запыленных витрин и частично разбитых фонарей.

Кхан.

Здоровенная кошка собиралась влезть в тачку со стороны пассажира. Вот только пассажир оказался не промах. Мичи выстрелил из своего корейского дробовика, почти не целясь. Одиночным. Голову твари буквально разорвало в клочья. Кровь и мозги забрызгали ветровое стекло.

– Чунго! – выругался таксист.

– Я понимаю испанский.

– Да это не про тебя, брат.

Дворники начали елозить по стеклу, смывая буро-красную дрянь. Стука тела о тротуар Мичи не услышал.

Выдвинуть оружие из окна.

Три выстрела вверх.

Услышать душераздирающий рев умирающего волколака.

– Как ты узнал?

– Чувствую.

Машина пульей промчалась по кварталу, заполненному недостроенными домишками, развороченным асфальтом и штабелями водопроводных труб. Мичи видел котлованы, застывшие в причудливых позах экскаваторы и решетчатое заграждение. Пыльные витрины заброшенных лавочек стали нормой. Светились только окна домов, большинство фонарей не работали.

– Там хоть есть трансмиттеры? – поинтересовался Мичи.

– Внизу, – таксист не стал уточнять, где находится это самое «внизу».

Ответ пришел сам собой.

Машина спикировала к проезжей части и понеслась по извилистой улочке, петляя среди допотопных рыдванов и микроавтобусов со снятыми бамперами. То, что Мичи поначалу принял за канализационные люки, оказалось трансмиттерами. Точки питания были вмурованы в дорожное полотно и утоплены в грунт, чтобы не мешать колесному транспорту.

Плохо.

В воздушных коридорах до такси сложнее дотянуться.

– Они за тобой лезут, пареньь.

Мичи ухмыльнулся.

Догадливый.

– Возможно.

– Что ты им сделал?

– Долго рассказывать.

Гонсалес уже начал открывать рот для следующей фразы, но клиент его прервал:

– Ты же не собираешься меня высаживать здесь, дружище? Подумай, прежде чем отвечать.

Таксист покосился на дробовик.

Вспомнил про бардачок.

И вздохнул:

– Нет.

– Это хорошо. Потому что я намерен удвоить цену за поездку. Или утроить, если довезешь меня быстро.

Таксист цокнул языком.

И дал по газам.

Машина едва не сбила какого-то бомжа, копавшегося в ржавом мусорном контейнере. Рядом стояла тележка, забитая тряпьем, пустыми бутылками и кусками старой мебели.

У перекрестка они сбавили скорость, что едва не стоило Гонсалесу жизни.

В метре от бампера возникла необъятная фигура вермедведя.

– Назад, – процедил Мичи.

Гонсалес обладал хорошей реакцией – массивная лапа царапнула пустоту.

Таксист ускорился.

Оборотень – тоже.

Мичи, наполовину высунувшись из окна, разрядил в бегущего переверта остатки обоймы. Серебряная дробь вырывала из туши огромные куски, но зверь продолжал двигаться. Когда монстру снесло полчерепа, он успокоился.

Или – упокоился.

– Обьезжай его, – приказал клиент.

Гонсалесу не нравился этот косматый бугор, начавший трансформироваться в человека. К горлу что-то подступило.

– Не смотри, – посоветовал Мичи.

И быстро сменил опустевший рожок.

На перекрестке они едва не столкнулись с бетономешалкой, выкатывающейся из ворот стройплощадки. Гонсалес вильнул влево и направил такси в узкий проулочек, едва не поцарапав крыло.

Мичи передернул затвор.

– Да кто ты такой вообще? – не выдержал Гонсалес.

– Никто.

– Я не шучу.

– И я. Меньше знаешь – крепче спишь.

Прямо по курсу открылась металлическая дверь. Гонсалес набрал высоту, а Мичи перегнулся через дверцу и нащипи-

говал картечью тушу грондра, попытавшегося пробить дно аэротакси кулаком. Кабаноподобное существо впечаталось в кирпичную стену, прижимая лапы к окровавленной груди. Тусклая лампа над подъездом выхватила из мрака жуткое рыло и торчащие из пасти клыки. Выставили матерого секача...

Машина резко ушла вверх, нащупывая линию подпитки.

– Долго еще?

Гонсалес заложил крутой вираж, вписываясь в арку, насквозь промчался через колодец старинного дворика и выскочил на заброшенный пустырь.

– Тут же нет...

– Заткнись, брат. Дай мне сделать свою работу.

Очередной вираж – и они мчатся по кварталу, застроенному какой-то колониальной рухлядью. Два-три этажа, облупившиеся колонны, окна за деревянными ставнями. Вездесущие гирлянды развешанного белья. Кроны пальм, железные ворота, каменные львы на парапетах...

Дальше.

Спальный район, пересеченный мутной речушкой. Однотипные кондоминиумы, некоторые – с охраной. Камеры, датчики движения, частная полиция. Тишина и спокойствие. Иностранное вкрапление, оазис в океане беспросветной нищеты и перенаселенности.

Автомойки и станции техобслуживания. Распахнутые настежь гаражи, подсвеченные галогенками. Распятые над ре-

монтажными ямами автомобиля.

Оборотни успокоились.

Надолго ли...

Мичи еще некоторое время следил за прямой трассой, на которую вылетело такси, и вливающимися в нее четырехполосными магистралями. Затем расслабился.

– Оторвались, – выдохнул Гонсалес.

Пассажир так не думал.

Мичи был ведуном с внушительным опытом работы на профсоюз. Он хорошо изучил повадки перевертов. Если ими кто-то руководит, атаки прекратились неспроста. Мичи прощупывали, искали слабости. И вели до победного конца. Вот только бар, в котором ему назначена встреча, должен находиться под защитой Пояса. Внутри таких заповедников людям ничто не угрожает.

Главное – добраться до цели.

Вокруг скоростной трассы разливалось море огней. Пригороды, палаточные кемпинги, парковки для трейлеров.

Мичи снова открыл межпространственный тайник и запихнул туда оружие вместе с запасными обоймами. Цифровая плоскость вновь стала *нормальной*.

Таксист недовольно покосился на своего спутника.

– А если нападут?

Мичи поднял стекло.

– Я почувствую.

Не станешь же объяснять каждому встречному, что пла-

вающие тайники можно открывать где угодно. Хоть в машинах, а хоть и в барах. Просто не всякий справится с такой задачей.

Холодает.

***

Бар «Диаблеро» стоял на краю пустыни, у скоростного хайвея. Трансмиттеры позволяли аэрокарам двигаться автономным потоком в воздушном коридоре. В город по трассе мчались дальнобойщики и водители фургонов.

Гонсалес свернул в сторону, вихрем пронесся над автозаправкой и высадил Мичи на прокаленной за день парковке.

– Гони деньги.

– Без проблем, – усмехнулся узкоглазый ведун. И сунул таксисту пачку новеньких песо – зеленых, с монахинями, святыми текстами и чернильницами.

Таксист схватил деньги, пересчитал и ошалело уставился на попутчика. В глазах водилы клубилось неверие.

– Много.

– Ты заслужил, – отмахнулся ведун. – Буэнас ночес, амиго.

Его встретил культурный шок.

Парковка была забита байками, трейлерами, воздушными грузовиками и штуками, напоминающими квадроциклы, только без колес. Шагах в пятидесяти от Мичи возвышалось несуразное здание, украшенное светящимися девушками с рогами и хвостами. Телочки держали в руках трезубцы, под-

пирая вывеску.

Аршинные неоновые буквы:

DIABLERO.

Над окрестностями разносились звуки бодренького рок-н-ролла. На ступеньках перед входом стоял бородастый детина с микрофоном и вещал по-испански о запретных удовольствиях.

Мичи двинулся вперед, уклоняясь от байкеров, нарезающих круги на пропыленной площадке.

– Кто к нам пожаловал, – зазывала уставился на странного посетителя. – Узкоглазая обезьянка.

Мичи шагнул к чуваку.

Приблизил губы к уху ушлепка и прошептал:

– У меня есть волшебный жетон, придурок. Если не хочешь проблем с профсоюзом, завали хавальник и посторонись.

Лицо зазывалы посерело.

Мичи вошел в бар через двустворчатую деревянную дверь. Звуки рок-н-ролла усилились. В подсвеченных нишах и на столах извивались полуобнаженные танцовщицы. На сцене бесновался парень с электрогитарой. Полутемный зал был под завязку набит всяческим отребьем. Преимущественно байкерами и жирными дальнобойщиками в ковбойских шляпах. Кто-то засовывал стриптизершам купюры в трусы, кто-то разбивал бутылку с текилой о голову идейного оппонента. Дышать было нечем – бар пропах куревом и ал-

коголем. Как и любой уважающий себя бар.

Ведун спустился по крутым ступенькам.

Справа и слева на него равнодушно смотрели каменные койоты.

Что ж, он не собирался задерживаться тут надолго. Нужно встретиться с Карлосом, заключить сделку и отвалить. Даже в Тенокс лететь не обязательно. Портал можно пробить из пустыни, достаточно отойти в любую сторону на полсотни метров.

Музыка била по ушам.

Раздражала.

Интерьер – сплошь грубые камни, искусно вырезанные рожи всевозможных мифических существ, трубки голубого и розового неона. Впереди, подобно свету в конце тоннеля, маячила барная стойка с обшитыми красной кожей стульями и полками, усеянными бухлом. Целые батареи склянок – круглых, квадратных, пузатеньких и причудливо изогнутых. Красные, белые, прозрачные и даже зеленые жидкости. Розовое и коричневое пойло. Мичи с удивлением обнаружил, что внутри некоторых сосудов помещены корни, ягоды, грибы и даже похожие на червей существа.

Гребаный Столп...

Тут даже выпить без магии не получится.

Мичи приблизился к стойке и встретился глазами с барменом – отталкивающего вида мужиком, вьющиеся волосы которого были зачесаны на затылок и собраны резинкой в

пучок. Бармен предпочитал носить кожаную жилетку на голое тело.

– Текилы, – сказал Мичи.

Упырь в жилетке покачал головой:

– Я не буду тебя обслуживать.

– С какого-такого хрена?

– Это частное заведение. Для байкеров и дальнобойщиков.

У входа ведун не встречал знаков или табличек, указывающих на сей прелюбопытнейший факт. Зато видел символы, означающие подключение к Поясу. Бар был безопасен для путников – переверты не смогут проникнуть за незримую преграду.

– Я приехал на байке, – раздался знакомый голос.

На соседний табурет взгромоздился Карлос.

– Так что не вяжись к моему другу. Плесни ему текилы и окажи должное уважение.

У Мичи возникло странное чувство дежа вю.

Словно бы эта сцена уже происходила где-то в его жизни. Или не в его – теперь уже не разберешь.

Карлос был сухощавым мексиканцем в кожаном прикиде и сомбреро. Усы-подкова, гладко выбритое лицо южного типа. Длинные, слегка выющиеся, волосы. Черные, разумеется. Косуха вполне себе байкерская, но выглядела она на «байкере-теоретике» как-то несуразно. Видно невооруженным глазом – человек вписывается в чужую для себя субкультуру.

Так оно и есть на самом деле. Деловой партнер Мичи не был мотоциклистом или рокером. Он не был даже человеком. Рядом с ведущим сидел демон из Нижних Сфер. А ведь так сразу и не скажешь.

Бармен просканировал глазами нового персонажа.

Перевел тяжелый взгляд на Мичи.

В итоге сдался:

– Добро. Сам что закажешь, амиго?

– Тяпну кальвадоса, – добродушно усмехнулся демон в сомбреро. – Мы переберемся вон за тот столик. Отправь нам туда бутылки, стаканы и чего-нибудь пожрать.

– Как скажешь, – кивнул бармен.

– Идем, – Карлос хлопнул своего «друга» по плечу. – Нам есть, что перетереть.

Они двинулись через полутемный зал.

Вокруг творилось черт знает что. Волосатый жирдяй прикладывал бедолагу в бейсболке мордой о стол, расшвыривая стаканы и остатки еды. Танцовщицы с голыми сиськами изрыгали пламя, гитарист истязал свой инструмент и неистовствовал на сцене. Упившегося в хлам дальнобойщика его приятели волокли к выходу. Всё это напоминало средневековую корчму, но уж точно не бар на окраине современного мегаполиса.

– Ты название с умыслом выбирал? – поинтересовался Мичи, когда они добрались до пустующего стола у восточной стены бара. – Чтобы соответствовать?

Столы в «Диаблере» были грубыми, сколоченными из массивных досок. Ножки – крест-накрест. Полировка, искусственное старение. И длинные лавки вместо стульев. Обычно за такими столами пируют компании подгулявших рыцарей в фэнтези-сериалах.

– Нет, – хмыкнул Карлос. – Просто совпадение.

Мичи в совпадения не верил.

Столешница была залита чем-то липким. Карлос брезгливо поморщился – похоже, эта дыра не нравится и демону. Что-то здесь не так. Надо следить за этими байкерами.

Вынырнувшая из прохода официантка, виновато улыбнувшись, начала вытирать стол. Девушка оказалась симпатичной мулаткой в весьма откровенном наряде. Короткие шортики, топ, вываливающаяся грудь.

Так.

Не отвлекаться.

– Что будете из еды заказывать? – прочирикала официантка.

Карлос взял протянутую книжицу в темном переплете, раскрыл наугад, задал пару уточняющих вопросов и сделал заказ.

– Мне то же самое, – буркнул Мичи.

Девушка удалилась, покачивая бедрами.

Лицо Карлоса стало серьезным.

– Принес?

Мичи погрозил демону пальцем:

– Нет.

– Тогда я теряю время.

– Нет.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я – ведун, Карлос. Один из лучших в профсоюзе. Всё, что мне может потребоваться, лежит в межпространственных тайниках. Я перебрасываю вещи из одного слоя в другой, когда захочу.

Демон внимательно посмотрел на азиата.

Понимающе кивнул.

– Хорошо.

Девушка принесла пару открытых бутылок, два граненых стакана и блюдечко с тонко нарезанными дольками лайма.

– Еда готовится.

– Грасиас, – сказал Мичи.

Девушка скользнула по гостю похотливым взглядом и вновь исчезла. Гитарные риффы заставляли пространство вибрировать.

Плоская бутылка «Сьерры» с гравировкой по стеклу была наполнена желтоватой субстанцией. С красной этикетки на ведуна смотрел мужик в сомбреро, рассеявшийся под высоким кактусом.

Мичи плеснул себе текилы на два пальца.

Задумчиво повертел стакан в руках.

– Вещь, – одобрил Карлос, наблюдая за деловым партнером. – Тут они малость заговоренных травок набросали, так

что не удивляйся вкусу.

Кальвадос подали в черной пузатой склянке с длинным горлышком. Жидкость внутри оказалась бурой, словно медвежья кровь. Впрочем, откуда Мичи мог знать о том, что течет в жилах медведя? Если только речь идет не о вермедведе...

– Твое здоровье, – демон одним махом опустошил треть стакана, выхватил из пустоты сигару, чиркнул спичкой и закурил. Над столом поплыл ароматный гаванский дух.

Мичи придвинул к себе солонку.

Насыпал немного соли между большим и указательным пальцами, лизнул, залпом опустошил стакан и потянулся за лаймом.

Вкус, действительно, был непривычным.

Пищевод вспыхнул огнем.

– Как оно? – бровь Карлоса изогнулась.

Волна тепла распространялась по телу.

– Ничего так, – Мичи неспешно прожевал дольку лайма. –

Что они сюда добавляют?

– Не спрашивай.

– И всё же?

– Галлюциногенов нет, если что. А вот заговоренная мята – сколько душе угодно. Сейчас накроет.

Мичи ощутил волну ледящей свежести, прокатившейся по нервам. Опустошающий арктический шторм посреди душного неоновом лета.

– Не молчи, – попросил Карлос.

– Мамма Мия...

– Я предупреждал.

Через несколько секунд Мичи смог говорить.

– Что за ядерные штуки у них в бутылках?

– Мы в Столпе, приятель. Это, мать ее, самая настоящая магия.

Мичи кивнул.

Ему доводилось странствовать по десяткам миров Многослойности. Еще в качестве боевого профсоюзного ведуна. Эти миры подвергались нашествию перевертов и нуждались в защите. Правительства щедро платили профсоюзу, чтобы заполучить наемников с серебром, заклинаниями и рунами. И все эти срезы радикально отличались друг от друга, поскольку обладали разными точками бифуркации. Где-то царило лютое средневековье, где-то сохранился Советский Союз или разразилась ядерная война. А были и такие срезы, в которых хомо сапиенс не смог эволюционировать в разумный вид, уступив позиции другим существам.

А еще существовали миры, догадавшиеся основать профсоюз.

Столп – один из них.

Здесь отношения с оборотнями складывались весьма своеобразно. Срез был полностью оккупирован, пока за дело не взялись ведуны. Разразилась полномасштабная война – магическая, без применения технологий массового по-

ражения. Столп представлял собой удивительное сочетание развитой науки и волшебства, которые мирно уживались в рамках одной культуры. Автомобили подпитывались маной от трансмиттеров, на полях вместо удобрений применялись волшебные порошки, врачи могли оперировать больных, а могли и колдовать, чтобы справиться с наиболее безнадежными случаями. Тут ангелы и демоны имели официальные представительства и решали конфликты путем переговоров. Даже контракты по проданным душам могли быть оспорены в судебном порядке.

Когда появились переверты, баланс сил обрушился.

Война растянулась на тридцать лет и шла с переменным успехом. На стороне оккупантов выступили вендиго – основатели родов. А вендиго умели колдовать не хуже местных умельцев. Временами – лучше.

И тогда ведуны построили Пояс.

Экспансия перевертов захлебнулась. Вендиго и старейшие маги Столпа сели за стол переговоров. Были распределены сферы влияния, обозначены красные линии. Появились законы, обязательные для соблюдения людьми и оборотнями.

Профсоюз, насколько было известно Мичи, был основан позже. И существовал уже несколько столетий по хронологии Столпа.

– Ладно, – Мичи налил себе еще немного текилы. – Приступим.

Официантка вынырнула из прокуренного полумрака и начала расставлять тарелки. Хорошо прожаренные тако, выложенные рядком на голубоватом блюде. В обычных круглых тарелках – жареные яйца с зеленью и сальсой, кусочки цыпленка и фасоль. Еда была горячей, свежей и аппетитной.

– Мурр, – сказала официантка и потерлась бедром о плечо азиата.

– Ты ей нравишься, – констатировал Карлос, подмигнув Мичи. – Говорят, тут очень доступные девушки.

– Я спешу, – отрезал Мичи.

– Глупо отказываться. Жизнь коротка. Если хочешь...

– Не хочу, – отрезал ведун.

О чем бы ни шел разговор с демоном из Нижних Сфер, в конечном итоге он переключит внимание на покупку души. И сделает предложение, от которого нельзя отказаться. Впрочем, этот маркетинг работает не со всеми.

– Где науз? – мексиканец уставился на ведуна холодным немигающим взглядом. – Уже здесь?

– Ни в ком случае, – улыбнулся Мичи. – Я открываю тайники в последний момент.

– Почему бы не проверить, – Карлос плеснул себе еще немного огненной жидкости. И взялся за еду.

– Разве демоны едят? – Мичи придвинул к себе тарелку с вилкой. – Вы же стихийные твари.

– Мы не едим. А вот это тело проголодалось.

– Экзорциста на вас нет.

– Так себе шутка.

– Проверял.

Цыпленок с фасолью и яйцом оказался на редкость вкусным. Хотя и острым. Во рту полыхало, на висках ведуна проступила испарина. Кондиционеры «Диаблеро» с трудом разгоняли пустынную жару. После полуночи земля остынет, а до того придется потерпеть.

– Ты получишь науз, – сказал Мичи, – как мы и договаривались.

– Не мы, – поправил демон, – а мой представитель.

– Казуистика, – отмахнулся ведун. – Ты знаешь, что я не интересуюсь деньгами. Я хорошо зарабатывал и до вступления в профсоюз, так что мог бы поселиться в любом из обжитых и безопасных срезков. Мне нужно кое-что другое.

– Подозреваю, – буркнул демон с набитым ртом, – что речь идет о вещах, которыми располагают *исключительно* Нижние Сферы.

– Правильно полагаешь.

– Ты уже подумал, как разобраться со своим руководством?

– Они не станут проблемой.

– Это хорошо. У нас намечается совместный проект, не хотелось бы портить отношения.

– Никто не узнает об этой сделке.

– Рассчитываю на это. Вот только, – Карлос неопределенно махнул вилкой, – ты, вроде бы, не любишь путешество-

вать один, а, Мичи? Тащишь с собой перевертов пачками.

Ведун насторожился.

– Они здесь?

– Это невозможно, – напомнил Карлос. – Снаружи.

– Ты сквозь стены видишь?

– Есть немного, – демон говорил серьезно. – Да ты и сам должен почувствовать.

Должен.

Просто утратил бдительность.

– Ждут меня?

– Нас обоих.

Расклад Мичи не понравился.

У него были предчувствия, что вендиго пронюхали о на-
узе. Предчувствия крепчали с приходом ночи...

После заката из Пояса лучше не высовываться.

А ты высунулся.

Влез в приграничье, чтобы провернуть сделку века. По-
лучить то, что может сделать человека счастливым. Добыть
перо Феникса.

– Итак, – вновь заговорил Мичи, – мне нужно перо Фе-
никса. Я знаю, их как бы нет в природе, опустим эту прелю-
дию. Артефакт на артефакт. Таковы мои условия.

Демон потянулся за тако.

И замер.

– Перо Феникса?

– Не притворяйся. Я передавал это вашему посреднику.

– Допустим, передавал. Что с того? Такие вещи лежат на нижних уровнях, что не в моей компетенции, брат.

– Я навел справки. Ты могущественнее, чем хочешь казаться. Уверен, перо с тобой. Покажи мне его.

– Тихо-тихо, – демон начал оглядываться по сторонам. – Не кричи, я слышу. Еще не хватало, чтобы сюда налетели гринго с горящими очами и попытались отнять то, что им не принадлежит.

– Им это даже не снилось, – Мичи взял тако и откусил приличный кусок. Начал старательно пережевывать, наслаждаясь вкусом. – Показывай.

Демон сдался.

Провел рукой над столом.

Краткий миг – и ведун смог рассмотреть в воздухе причудливо изогнутое птичье перо. Пламенеющее, яркое, глаз не отвести. Невероятно красивое. Такое не возьмешь голыми руками, если ты, конечно, не уроженец Нижних Сфер. Надо произнести кучу заклинаний, чтобы добраться до заветного приза.

Повторный взмах руки Карлоса.

Перо исчезло.

– Ты видел, – демон вытер губы салфеткой. – Готов меняться?

Мичи кивнул.

И быстро проделал серию пассивов над столешницей. Пальцы ведуна засветились темно-красным – похоже, он преодо-

левал сопротивление охранных рун «Диаблоро».

Над массивной, слегка оплывшей свечой в центре стола, образовалась дверца. Крохотная, вчетверо меньше почтового ящика. Мичи перегнулся через свою тарелку, едва не зацепив бутылку с текилой. Открыл дверцу и извлек из скрытого в пространственных складках тайника предмет.

– Это он? – глаза демона загорелись.

Амулет, сплетенный из разноцветных шнурков. Сложный узор, вставки из продырявленных монеток, по виду – очень древних. Белые шарики, напоминающие бусины. В медной петле – мешочек, от которого пахнет высушенными травами.

Мичи затворил тайник.

– Ты почувствуешь.

Демон несколько секунд смотрел на артефакт в пальцах ведуна. Казалось, мексиканец выпал из реальности, погрузился в аморфное состояние. Наконец, он выдавил:

– Чувствую.

– Гони перо.

И в этот момент за соседними столиками начали шевелиться прозрачные тени. Только что эти тени были людьми, а потом перекинулись в нечто невообразимое. Не в оборотней – тех держала на улице магия Столпа. В нечто более страшное. Призрачные когтистые силуэты с распахнутыми черными пастями.

Мичи понял, что не успевает достать оружие.

Наоки

Вызов на зачистку.

Наоки проснулась от сигнала, поступившего одновременно на зрительный и слуховой нервы. По ушам ударила сирена, и сон, который Наоки загрузила вечером, разбился вдребезги.

Девять минут до операции.

Вскочить, принять душ, почистить зубы, наспех одеться.

За окном – кружащиеся в свете желтого фонаря снежинки. Поезд мчится по эстакаде, оглашая гулом окрестности.

Пять утра.

К вызову никто никогда не готов. Нет четкого графика, тебя не предупреждают заранее. Это может случиться завтра или через месяц. В субботу или четверг. Днем или ночью. Когда угодно.

В зеркале прихожей отразилось стройное и хрупкое на вид тело девушки. Средний рост, ничего особенного. Стрижка пикси. Волосы растрепаны, глаза сонные. И раскосые, она же японка.

Облечься в бронекостюм.

Магнитные застёжки, автоматическая подстройка. Экзоскелетные вставки, позволяющие штурмовику двигаться быстрее, наносить мощные удары и практически ни в чем не уступать оборотням. Ткань не прокусить, что исключает

вероятность случайной инициации. Массивные наплечники, температурный контроль.

Теперь – последние штрихи.

Армейские ботинки на ребристой подошве. Забрало цифрового наглазника, подключающегося к затылочному слоту. И зеркальный шлем, который она наденет в десантном катере.

– Уменьшить температуру воздуха, – приказала Наоки. – Два деления.

Домашний компьютер, подключившись к вещевой сети, выполнил распоряжение.

Сэкономить не помешает.

Тем более, что до зарплаты еще неделя, а коммуналка списывается со счета автоматически.

Наоки не пользовалась кредитными линиями. Ей вообще не нравилась концепция жизни в кредит. Хозяевами твоей судьбы становятся банки, застройщики, коллекторы. Кто угодно, только не ты сама. Уж лучше поднапрячься, свести траты к разумному минимуму и не переходить красную черту. Любую вещь можно купить, банально откладывая на нее.

Тридцать секунд до прибытия катера.

Квартира Наоки располагалась на двадцать первом этаже ЖК «Водолей», неподалеку от станции «Южный Централ». У застройщиков был пункт по зодиакальным созвездиям – все комплексы «Горизонта» были в той или иной степени связаны с астрономией. Почему-то штурмовикам выде-

ляли служебное жилье именно в «Горизонтах». Возможно, Министерство Потусторонних Дел имело связи с этими ребятами. Но друзья Наоки склонялись к мысли, что фишка в низкой арендной стоимости жилья. Здания были типовыми, без дизайнерских изысков, рассчитанными на средний и эконом-класс.

Вертолетные площадки не выдвигались, как в элитных кондо, поэтому пришлось вызывать лифт и ехать на крышу. Девять этажей, Наоки почти наверняка опоздает. И получит выволочку от командира группы.

Ночные огни обрушились на девушку, перемешиваясь с ревом ветра и пригоршнями крупных снежинок в лицо. Черные волосы Наоки растрепались еще больше.

Как же она не любит это дерьмо.

Снег засыпает наглазники, видимость почти нулевая. Уши мерзнут, шлем под мышкой. В желудке ноет – хочется есть. Да и спать, если честно, хочется.

Хабаровск – не лучший город для жизни. Да, протекторат со всеми вытекающими. Технологии, торговля. Пересечение интересов. Но это же не Япония, верно? Тут во всех сферах – десятилетнее отставание. Минимум.

Катер завис над крышей «Водолея».

Прямоугольная махина с россыпью голубых полицейских огней по периметру. Лопасты вертикальных винтов, спрятанных в фенестроны, рубят ледяной воздух. Шесть фенестронов на поворотных фермах, а еще крылья, обеспечивающие

дополнительную тягу. Суровый винтокрыл нового поколения, подрубленный к городской нейросети. Интересно, какой придурок обозвал эти штуки катерами? Ничего ведь общего.

Днище винтокрыла разрежали три светящихся полоски. На запорошенную белой наметью крышу мягко опустился язык пандуса. Механическое чудовище открыло доступ в свою утробу.

Наоки пулей влетела внутрь.

Пандус встал на прежнее место, сросся с корпусом в единое целое. Когда сумасшедший хабаровский февраль остался позади, Наоки вздохнула с облегчением. Кабина была теплой, хорошо натопленной. Парни тут уже полчаса, не меньше, догадалась Наоки.

Как парни...

Еще была Катя, но ее подберут позже, у станции «Нака-сима».

Протянув руку, девушка коснулась регистрационного сенсора. Отпечаток пальца ушел в базу, загорелся зеленый огонек.

– Опаздываешь, – буркнул Сергей.

К счастью, забрало наглазников скрывало большую часть лица девушки. Поэтому никто не заметил ее смущение.

Винтокрыл рванулся вперед, и она ухватилась за поручень, чтобы не упасть. Модернизированный «Ротодайн» мог развивать скорость до четырехсот тридцати километров в

час, но это – за пределами городской черты. Не в сверкающих неоновом ущельях, продуваемых всеми тихоокеанскими ветрами.

Бойцы спецподразделения «Альфа» расположились в креслах, привинченных к бортам катера. Пять человек в сборе, два кресла пустуют. Все места пронумерованы, оружейные ячейки снабжены биометрическими считывателями.

Наоки усаживается в свое кресло, пристегивается и чувствует, как эластичный ремень вбирает лишние сантиметры. Квадратная пряжка прижимается к телу. Так, теперь надо повернуться влево, приложить большой палец к считывателю и дождаться момента, когда столбик индикатора поползет до верхней точки.

Мелодичный сигнал.

Щелчок.

В камере хранения – ее табельное оружие.

Черный как ночь «Акела» – боевой нож для городских условий. С узким, кинжальной формы клинком и двухсторонней заточкой. Простенькая гарда, резиновая рукоять, антибликовое покрытие. Раньше спецподразделения Хабаровской префектуры были оснащены короткими и широкими ножами, разработанными для режущих ударов. Оптимально, если твой враг – террорист в бронежилете. Оборотни заставили бойцов вспомнить тычковые боевые техники. Клинки вновь сузились и удлиннились. Серебряное напыление уступило место тайнописи сибирских шаманов. Кривые загогу-

лины, выгравированные на лезвии, обеспечивали проникающую способность после заката.

«Акелу» – в чехол на голени.

Пистолет-пулемет «Вереск» тоже претерпел значительные изменения за последние семь лет. Эту штуку проектировали с расчетом на стрельбу по броникам второго класса девятимиллиметровыми патронами «Парабеллум». Когда сердечники стали серебряными, выяснилось, что в ближнем бою «Вереск» незаменим. С дробовиком в тесном коридоре не развернешься, а с компактным пистолетом – самое то. Скорострельность потрясающая, можно навешивать фонарики, коллиматоры и лазерные целеуказатели. Опытные бойцы обходились без *украшений*, работали вслепую.

«Вереск» отправляется в кобуру на правом бедре.

Вишенка на торте – штурмовой автомат АШ-12 под патроны калибра 12,7×55 миллиметров. Наоки использовала ствол в частном секторе на окраинах Хабаровска. Стреляла преимущественно легкими пулями на коротких дистанциях. Тяжелые берегла для сложных зачисток – там, где приходилось иметь дело с матерыми зверюгами. Накручиваешь глушитель, и – вперед, к успеху, как говаривал Тадж. Ствол АШ-12 плавно переходил в приклад. Широкий рожок вставлялся сразу за пистолетной рукоятью. Автомат был оснащен подствольником и оптикой для средних дистанций. Глушитель Наоки не успела снять после предыдущей зачистки. Подумав, решила оставить как есть.

Рожки она проверяла лично.

Каждый раз.

Теоретически никто не имел доступа к десантным ячейкам. Кроме самих бойцов. Оно и понятно – считыватель. Ни твой командир, ни шаман из отдела не справятся с запирающим устройством на биометрии. И всё же...

У нас не девять жизней.

Этот афоризм Наоки придумала сама.

В «аше» – полный набор. Выщелкнув один патрон из рожка, девушка повертела его в пальцах. Обнаружила привычную гравировку и успокоилась. Вернула заостренный цилиндр на прежнее место. Убедилась в том, что предохранитель на нейтральном делении. Закрыла камеру и прислонила оружие к ноге.

Обвела полусонным взглядом других бойцов.

Сергей Марков, командир группы. Единственный в их отряде боец в звании сержанта. Крепко сбитый тридцатилетний мужик с бритой головой. Профи, чуть не с восемнадцати лет в армии. Перевелся в МПД года три назад. Рассудительный, спокойный, но неумолимый и жестокий, если требуется.

Тадж. Это прозвище, парень родом из Таджикистана. Чувака звали Акбаром, а фамилию ни у кого толком не получалось выговорить и запомнить. Смуглый, прямолинейный и глуповатый, но свой в доску. Тадж, подобно Наоки, был рядовым штурмовиком.

Коля Герасимов. Сапер группы и главный взломщик кодовых замков по совместительству. Объект коллективного юмора. Все же помнят старое советское кино про Алису, вот и просят Колю вернуть миелофон или сходить за кефиром. Ну, или разминировать институт времени. Первые месяцы Коля обижался, потом привык. Даже посмотрел «Гостя из прошлого», все десять серий.

Тадао и Хиро. Братья, совершенно непохожие друг на друга. Потому что сводные, как объяснял Хиро. Сам он был низкорослым и широкоплечим качком с бычьей шеей и веселым нравом. Тадао, напротив, был жилистым и костлявым, очень любил холодное оружие, чтит самурайские традиции. Один из двух мечников группы, предпочитавших клинки огнестрельному оружию.

Вторым мечником был Кирилл Метельский, но у него родилась дочь, и Кирилл отправился в отпуск. Поговаривали, что жена давит на Кирилла, мол, уходи из «Альфы», там опасно, а ты теперь отец. В общем, никто не знал, вернется ли Метельский в строй. Временно его место заняла Катя.

Кстати, о ней.

Винтокрыл снизился над очередной крышей. Пандус коснулся снежной шапки, и в кабину проник холод. А вместе с холодом – Катя Шарапова. Рыженькая тян, как ее называли братья Хиро и Тадао. Ребятам было невдомек, что сочный медный оттенок выющихся волос Кати – плод посещения дорогих салонов, в которых практикуется обработка корней

нанобальзамом. Гарантия на год, если верить Кате. Девушка была видной, предмет ее гордости составляли длинные и мощные ноги в сочетании с выпирающей бразильской попкой. Тренажеры, приседания, что же еще. Профессиональный боец не станет накачивать себя силиконом и ложиться под нож. А вот грудь первого размера переполняла сознание «рыженькой трян» комплексами. Правда, никто об этом не догадывался. Кроме Наоки.

Катя провела рукой по сенсору, быстро пересекла кабину и влипла в соседнее кресло.

– Привет, – сказала Наоки.

Ответная улыбка.

И кивок.

Шарапова не опаздывала. Ей пришлось мерзнуть лишние секунды из-за опоздания подруги.

Дыра в полу исчезла.

Всё, народ в сборе.

Катя носила звание ефрейтора и мечтала о продвижении. Были у Шараповой и другие мечты. Например, выбраться из Хаба и переехать в Японию. В центр всего, как она любила говорить. Проблема лежала на поверхности: архипелаг не резиновый. Поэтому власти протектората оградили себя от «понаехавших» жесткими миграционными правилами.

Сложно – не означает «невозможно».

Катя верила в это утверждение.

И упорно продвигалась к цели.

Как и винтокрыл, в котором они все сейчас сидят. За узкими оцифрованными окнами бушует февральская вьюга. Минус шестнадцать, вой и ярость непогоды. Которая нынче в моде...

Взгляд Наоки прикован к таймеру.

5.07.

Формально в отряд входили еще два человека – старший пилот и бортмеханик-пулеметчик. Оба напичканы имплантами и разьемами, находятся в постоянной подключке и видят мир через объективы внешних камер. Чтобы пообщаться с этими чуваками, надо подрубиться напрямую к локалке катера. Или включить допотопный интерком.

Имена у мужиков были.

Раньше.

Сейчас все обращались к ним, используя сетевые ники «Альфы». Пилот называл себя Дозером, бортмеханик – Пикселем. За всё время службы эти ребята ни разу не покинули кабину «Ротодайна». И всё же, без них всем пришлось бы худо. Сергей называл Дозера и Пикселя ангелами-хранителями не просто так. Однажды, когда группу Наоки перебросили на зачистку глухой деревеньки, оккупированной перевертами, они чуть все не погибли по причине скудоумия руководства. Никому и в голову не приходило, что село контролируется несколькими кланами, решившими вдруг собраться на праздник. Твари кишели повсюду, и тогда за дело взялся Пиксель. Шквал заговоренных пуль буквально снес волну

нападавших, превращая скучную операцию в хардовую мясорубку. Пиксель зарядил магазины крупным калибром, так что зверюг рвало на части, словно в кошмарном сне. Наоки в ту ночь отключила звук в шлеме, чтобы не оглохнуть.

Дневные зачистки проще.

Приходишь – арестовываешь.

Днем оборотни тихие и безобидные. Это же люди, которые не успели перекинуться. Главное, чтобы среди них матерые хищники не попались. Некоторые научились управлять своими трансформациями. Вероятно, говнюки эволюционируют.

Катер набрал скорость.

– Хреново выглядишь, подруга.

Наоки не сразу поняла, что Катя обращается к ней.

Задумалась.

– Спать хочется.

– Держи.

Наоки благодарно приняла термос. Свинтила крышку, утопила кнопку. И с наслаждением вдохнула аромат горячего имбирного кофе, льющегося тонкой струйкой.

Запах моментально распространился по катеру.

– Эй, – подал голос Тадж, – а мне нальете?

– В другой раз, – отрезала Шарапова. – На всех не напа-сешься.

Тадж обиженно поджал губы.

– У вас минут шесть, – буркнул сержант. – Не тормозите.

– Заметано, – улыбнулась Катя.

Подругу Наоки все любили. И хотели, разумеется. Только Катя никому не давала, у нее были далеко идущие планы на жизнь.

Наоки сделала первый обжигающий глоток.

Кофе был крепким, бодрящим и очень качественным. Катя не разделяла любовь подруги к зеленому чаю, а вот к выбору кофейных зерен относилась с запредельной ответственностью. Иными словами, заказывала продукт в онлайн-магазине «Танзания».

– И? – Катя в упор смотрела на японку.

– Я тебя люблю.

– Еще бы. Старый бедуинский рецепт, между прочим.

И тут встрял сержант Марков:

– Не хочется вас прерывать, телочки, но надо бы провести инструктаж.

– Валяй, – разрешил Хиро.

– Мне сбросили копию брифа, – сказал Сергей. – Там ничего особенного, если честно. Знаете, один из этих нищеводских кварталов, где строят социальное жилье для неудачников. Колхозники, зэчье, всякие отбросы. Я бы свернул эти программы нахрен...

– Серый, – Катя укоризненно посмотрела на сержанта. – Вернемся к нашим баранам.

– К волколакам, – поправил Марков. – Они захватывают квартал за кварталом. Вторжение началось на прошлой неде-

ле, но в эти районы никто не лезет, смекаете? Так что про-
моргали.

– Это один клан? – уточнил Хиро.

– Всё, что мы знаем, там нет медведей, кабанов и прочей
мерзости. Пока – одни волки.

– Информация проверена? – спросила Наоки.

– Нет.

– Это масштабная операция? – Катя опустила на лицо соб-
ственное забрало. Джек с легким щелчком нырнул в заты-
лочный слот. Катя всегда подрубала электронику в полете. И
успевала настроить. – У нас будет прикрытие с воздуха?

– Пиксель.

– И всё?

– Пока – да.

Тадж выругался.

– Стояночка, – продолжила допытываться настырная Ка-
тя. – Нас одних отправили на зачистку? Из всех подразделе-
ний «Альфы»?

– За три часа до рассвета, – подал голос Коля Герасимов. –
Нас разорвут в клочья.

– Не разорвут, – Сергей начал злиться. – Мы высажива-
емся на краю фронта распространения.

– Почему? – спросил Тадао.

– Всё плохо, – признался Сергей. – Для массивной
атаки надо стянуть силы. Ключевые ударные соединения
вступят в бой за сорок минут до рассвета. Молитесь, чтобы

нас не перебросили туда, в самое пекло.

Колпачок термоса опустел.

Наоки протянула крышку подруге. Помыть негде, это же винтокрыл. Катя плеснула немного себе и опустошила емкость двумя глотками. Не поморщившись.

Воскресенье – день тяжелый.

Понедельник еще хуже.

Бойцы стали надевать шлемы и готовиться к высадке.

***

Пандус упал в снег.

Группа рассыпалась по дуге, не сговариваясь поделив сектора обстрела. За ночь сугробы стали почти непроходимыми, так что утепленные горные ботинки пришлись кстати.

Без четверти шесть.

Кромешная тьма, редкие фонарные столбы, неясные очертания домов. Малоэтажная застройка. «Сталинки», какие-то жуткие хибары, автомастерские, обширные провалы огородов. Строящиеся социальные комплексы. Дичь и упадок.

Наоки узнала район.

Шанхай.

Частные земли, население – сплошь корейцы и китайцы. Собственно, их предки и возводили четырехэтажные «сталинки», когда Япония выиграла войну. Германия проиграла, а Япония выиграла. Хабаровск был одним из первых тихо-

океанских городов, вошедших в состав протектората. Вместе с Владивостоком и половиной Приморья. Сначала протекторат, затем – префектура. Не сразу, конечно. Так ведь и Москва не сразу строилась, как говорят русские.

Перед группой была поставлена простая задача – захватить и удержать «сталинку» на перекрестке Тимирязева и Такешита Дори. Дом был полностью захвачен перевертами, отсюда они совершали броски дальше, вглубь человеческой территории. Командование предупредило: если хоть один говнюк уйдет живым, вам несдобровать. Обрушатся лавиной, придется отступать к винтокрылу.

Наоки вывела в окно наглазников схему прилегающих кварталов. Да, перекресток – это громко сказано. С одной стороны улицы Тимирязева высится «сталинка», с другой – какие-то развалины, припорошенные снегом, глубокий котлован и гора строительного мусора. Такешита Дори – это грунтовка, петляющая по частному сектору. Лезть туда – себе дороже.

В ухо проник голос сержанта:

– Погнали.

Группа вдвинулась в пургу, вспарывая снежные заносы. Винты катера подняли такую муть, что даже наглазники не справлялись с оцифровкой. А вот зверюги справятся, сказала себе Наоки, стиснув зубы. Шерсть и подкожный жир ничем не уступают броникам людей в плане комфорта. Твари удивительно живучи, адаптируются к любым условиям. Хо-

телось бы знать, откуда они лезут. Официальная версия – вышедший из-под контроля биологический эксперимент Советов. Неофициальная – вторжение пришельцев. Наоки сомневалась и в первом, и во втором. Слишком много нестыковок...

Сейчас штурмовики «Альфы» – легкая добыча.

Девушка загнала эту неприятную мысль подальше.

И сосредоточилась на происходящем.

Пара одиноких фонарей, в одной лампа почти перегорела. Свет дрожащий, неровный. Наоки продвигается вперед на полусогнутых ногах, смотрит на мир через оптику, усиленную наглазниками и министерскими имплантами. Вставки у нее хорошие, японские. Неубиваемые. Без всех этих фокусов с софтом нейрокоррекции.

Муть превращается в четкую монохромную картинку.

«Ротодайн» поднимает пандус, но не садится. Без поддержки с воздуха нельзя. Слишком опасный квест.

Движение слева.

Повернуться на девять часов.

Мусорный бак, целлофан полощется на ветру. Смятые жестянки из-под пива. Прошлогодня елка с остатками мишуры. Бродячий кот зыркает желтыми зрачками на непрошенных гостей.

Дальше.

Впереди – Катя с Сергеем. У Катюхи в левой руке заговоренная катана с серебряной гравировкой, в правой – «Ве-

реск». Сергей с «ашем», как и Наоки. Она – вторая в клине. Рядом Герасимов – на случай взрывных работ. Тадж и «братья-акробаты», как их называет Сергей, замыкают процессию.

«Сталинка» медленно приближается.

Фонарь они обходят по дуге, но смысла в этом нет. Всё равно переверты видят в темноте. Гораздо лучше людей, даже с электронными наглазниками.

В доме всего пара подъездов.

– Там кодовый замок, – говорит Катя.

В яйцеобразных матовых шлемах и усиленных бронекостюмах бойцы «Альфы» напоминают астронавтов из фантастических боевиков. Что американцы еще не разучились делать, так это снимать зрелищное кино, подумала Наоки. Влияние Штатов стремится к нулю, заокеанская империя в упадке. А вот фильмы снимают, и неплохие. Взять, например, «Космический спецназ» по роману Хайнлайнера. Там чуваки воюют с жукоглазыми монстрами.

Вот как мы выглядим.

Ну, почти так.

Коля осторожно приближается к металлической двери, подносит к щитку универсальный чип и рывком открывает. Ночь врывается в прямоугольный проем, затапливая подъезд холодом и выюгой.

Все на позициях.

Наоки держит на прицеле подъезд, Тадж – стену и балкон-

ные выступления, братья – угол дома и вторую парадную. Сержант ткнул пальцем в Катю и Таджа, указал на распахнутую пасть «сталинки».

Наоки и Колю Герасимова – ко второму подъезду.

Братьям – держать выходы до особого распоряжения.

– Они нас не слышат, – Катю раздражал жестовый язык спецназа. – Можно говорить через шлемофоны.

– Заткнись. И наруби нам немного волчатины на завтрак.

Шарапова фыркнула.

И пошла выполнять приказ.

Наоки видела катану, сверкнувшую в темноте подъезда.

– А что с датчиками освещения?

– Вырубили удаленно.

Тупо.

Очередной шаблон, за который люди продолжали цепляться. Инструкция, которую пора бы переписать с учетом новых реалий.

Коля открыл вторую дверь.

Полотно скользнуло в скрытый паз на сервоприводах. Ничего себе, подумала Наоки, цивилизация начала проникать и в Шанхай...

Она вошла первой, Коля – следом.

Сергей показал знаками, что остается у почтовых ящиков на первом этаже.

Наоки чувствовала себя неуверенно. Дом казался опустевшим – так выглядят все ловушки. Катер через пару се-

кунд подтянется, чтобы следить за противоположной стороной. Нельзя выпускать оборотней – это приказ.

Герасимов остается на площадке второго этажа.

Наоки поднимается на четвертый.

Видимость хорошая, четкая. Если добавить опцию инфракрасного обзора, можно отслеживать красно-желтые туловища монстров.

Подъезд очень старый, с облупившимися синими стенами, белой штукатуркой на потолке, деревянными подоконниками. И чугунными батареями, куда ж без них. Двери – фанерные и металлические. Вперемешку. С круглыми глазками, кнопками звонков и потускневшими цифровыми бляшками. В таких подъездах живут пенсионеры и наркодилеры. Те, кто доживает свой век. И те, кто не хочет привлекать лишнего внимания. А, ну еще алкоголики, подумала Наоки, переступая через тело, лежащее в луже собственной мочи. Вот откуда эта вонь...

Девушка замерла на верхней площадке.

Четыре квартиры, старомодные коврики под ногами. Тумбочка с пожелтевшим кактусом. Чердачный люк, металлическая лестница на вмурованных в кирпич скобах.

Включить тепловизор.

Пусто.

В квартирах никого нет. Ни людей, ни домашних животных. Из источников тепла – только батареи.

Что мы здесь делаем?

Наоки спустилась на два пролета.

Третий этаж – пусто.

– Коля, что у тебя?

– Чисто.

– Сергей?

– Та же херня.

Шестое чувство заставило ее обернуться. Посмотреть в ту сторону, где валялось смердящее тело искателя истины. Плоть алкаша вспучилась, забугрилась, начала покрываться шерстью. И всё это – за доли секунды. Вот как эти подонки обходят закон сохранения массы?

Туловище валялось под окном, у самой батареи. Между четвертым и третьим этажами. Поэтому Наоки не видела всей трансформации.

Сработали рефлексy.

Девушка вскинула автомат и всадила в шевелящийся холм короткую очередь.

Тварь взревела.

И рухнула обратно в лужу.

Сверху раздался треск, и что-то упало на бетонное перекрытие. Одновременно с этим эфир взорвался матом и отрывистыми переговорами штурмовиков.

– Лезут, суки!

– У меня двое.

– Это же вепрь!

– Какого хрена?

– Назад!

Наоки перестала вслушиваться. С четвертого этажа на нее неслась здоровенная зверюга, отдаленно напоминавшая рысь. Чудище бежало по стене, не особо заморачиваясь гравитацией. Штукатурка сыпалась на ступени, в кирпичной кладке оставались глубокие борозды.

Очередь не причинила оборотню вреда – монстр перескочил на потолок. Выгнулся, отлип от скоса, и вот он уже на лакированных перилах. Оттуда лапой подать до Наоки, вот только девушка успела сместиться в противоположный угол площадки. И выпустить оттуда две разрывных пули. В плечо. Грудь.

Контрольный – в голову.

Мозги существа забрызгали стену с детскими рисунками.

Абстрактный экспрессионизм.

Почувствуй себя Поллоком...

Туша, продолжая двигаться вперед и вниз по инерции, с треском врезалась в дверную раму, пробила деревянное полотно своей массой и влетела в чужую квартиру. Путь мертвеца был отмечен красной дорожкой.

Вьюга моментально ворвалась в подъезд и затеяла там снежный танец. С чердака, что ли, тянет? Наоки пришлось отказаться от приглашения – у нее были дела.

Отступить вниз.

– Коля?

– Я в двадцать второй.

Сверху вновь послышались скребущие звуки.

Кто-то спрыгнул на бетон.

Оборотни лезли с чердака, и там почему-то не пахло волколаками. Вепри, рыси... Что угодно, только не классика.

Площадка второго этажа представляла собой неприятное зрелище. Выкорчеванная рама, лопнувшая труба отопления, фонтанчик горячей воды. Пар от батареи и липкой лужи на полу. Голый мужик с развороченной грудной клеткой. Колю атаквали раньше – переверт успел перекинуться обратно в человека.

Внизу и снаружи – шум.

Выстрелы, рев.

Рубящие морозный воздух винты «Ротодайна».

– Чисто? – уточнила Наоки, пятась в сторону выбитой деревянной двери. Звериное сопение приближалось.

– Заходи.

Наоки в прихожей.

Высокий потолок, дверца электросчетчика, паркет под ногами. Внутренняя поверхность двери обита дерматином. Там, где раньше находился механический замок, виднеется рваная дыра, из которой торчит клок утеплителя. Слева – высоченный шкаф. Коричневый, лакированный. Полочки со всякой всячиной забраны стеклом.

Девушка аккуратно переступила через стоптанные меховые тапочки и споткнулась о чугунную гантель.

– Твою мать!

– Осторожно, гантели, – своевременно предупредил Герасимов.

В прихожей горел тусклый свет.

Лампа в матерчатом абажуре.

На площадке – рев, хрип и выстрелы. Мечущиеся тени. Грохот. Клацанье зубов, скрежет когтей по камню.

– Держитесь там, – голос сержанта в шлемофоне.

Вот он, волколак.

Прорвался через сектор обстрела, прыгнул на стену, оттолкнулся и чуть не достал до горла Наоки. Девушка резко прижалась к стене. Ей не то чтобы повезло, просто сработали рефлексy, усиленные бронекостюмом. Волк пролетел мимо, и Наоки спокойно расстреляла его с тыла, размазав по двери ванной. Брызги, кровь, кишки наружу.

Развернуться на шесть часов.

В проем лезет очередная морда.

Коля матерится в соседней комнате. Грохот выстрела из дробовика. Визг, звон бьющегося стекла. Нет, не рама. Какой-то хрусталь или фарфор.

Наоки жмет спуск.

Сухие щелчки.

Морда оказывается волчьей, но уж очень матерой и откормленной. Пушистой, адаптированной к резкому континентальному климату Приморья. Прелесть, подумала Наоки, сворачивая челюсть оборотня прикладом. Не дожидаясь, пока волк развернется, Наоки отбросила автомат и достала нож

из чехла. Переверт припал к земле и грозно зарычал. Ну, как к земле... К паркету. Советскому, доброму, вечному.

Наоки и сама умеет побыть супергероем, если захочет. Нервные импульсы передаются в броник через контактные вставки, активируется экзоскелет.

Волколак видит нож, поднимается на задние конечности, и вот он – во всей своей красе. Дымчато-серый окрас, оскаленная пасть, зубы – с палец длиной. Мускулистые руки-лапы. Кисти напоминают человеческую пятерню, только покрыты шерстью и оснащены когтями. С ногами то же самое, но они мощнее. Острые уши прижаты к черепу. Глаза желтые, слишком умные для зверя. Цепкий и внимательный взгляд.

Переверт был на три головы выше Наоки.

И гораздо шире в плечах.

А разделяла их буквально пара метров по диагонали. При этом девушка вдруг поняла, что челюсть у оборотня в порядке. Не свернута, хотя удар был мощным. Вот она, легендарная регенерация детей ночи.

Или это про вампиров?

Волк ударил справа, широко разведя пальцы. Так, чтобы пробить шлем. Который, в принципе, разбить нереально. Почти...

Наоки перехватила лапу – экзоскелет позволял двигаться очень быстро. С хрустом выкрутила пальцы, вынуждая тварь присесть на одно колено. И вогнала в горло оппо-

нента клинок, покрытый значками тайнописи. Волк заклокотал, забулькал и попытался навалиться на девушку, прижать ее к стене. Наоки сделала шаг в сторону и припечатала врага к дверце платяного шкафа. Створка треснула, развалилась древесно-стружечной крошкой и обрывками шпона «под орех».

Лезвие глубже.

Провернуть.

Выдернуть, перехватить поудобнее, встать лицом к входной двери. И встретиться с командиром группы.

– Впечатляет, – похвалил Сергей.

И ретировался в подъезд.

Клинч с оборотнями выдерживали немногие.

До изобретения бронекостюмов, во всяком случае. Но и сейчас переверты могли убивать штурмовиков, не успевших активировать экзо-режим. Никто ведь не отменял дробящие удары и переломы шейных позвонков. Человека можно сбросить в лифтовую шахту. Придавить чем-нибудь. Утопить. Способов хватает.

Наоки и Коля быстро обшарили квартиру.

Временное затишье обманчиво. Переверты могут затаиться, выждать и напасть снова. Усыпить бдительность.

В шлемофоне звучали переговоры штурмовиков. Бойцы отчитывались о трупах, меняли позиции. Похоже, отряду удалось выстоять. Что ж, не зря они считались лучшими истребителями Хабаровска. Репутация заслуженная.

– Нам обещают подкрепление, – ожил шлемофон.

Голос Сергея.

– Хорошо, – буркнул Тадж. – А когда?

– Уже летят.

– Что происходит вообще? – не выдержала Шарапова. –

Здесь несколько кланов. Они нас ждали. Сидели в засаде.

– Их много, – добавил Хиро.

– У меня один валялся на площадке, – заметила Катя. –

А потом перевернулся. Они что, научились контролировать *трансы*?

В эпоху прорывов штурмовики выработали собственный сленг. «Транс», например, означал трансформацию. Момент обращения человека в зверя. Раньше считалось, что этот процесс естественный, он не контролируется разумом. Как только заходит солнце, оборотни перекидываются.

Так было раньше.

– Я не знаю, – отрезал Сергей.

– У меня колдырь лежал на площадке, – Наоки показала жестами Коле, чтобы держал входную дверь. Сама заняла позицию в центре длинного коридора. Так, чтобы видеть окно зала и поворот на кухню одновременно. Квартира выморожена напрочь, но в бронекостюме этого не чувствуешь. – У них новая тактика.

Батареи скоро полопаются...

Да какая разница?

Людей здесь не осталось.

– Пиксель, доложи обстановку, – приказал сержант.

– Я доложу, – встрял Дозер. – Мы подчистили балконы и карнизы со стороны двора. Они там налипли, как пчелы на мед.

– Крыша? – уточнил Хиро.

– Чисто, – сообщил Пиксель. – Я просветил тепловизором, на чердаке их не осталось.

– Повисите там, – голос сержанта подернулся статикой. – Вдруг вторая волна.

Случился прорыв.

Наоки понимала это хорошо.

Время от времени переверты обрушивались на какой-нибудь город, начинали инициировать всех подряд. Ну, как всех. Кого-то пожирали, они ведь хищники. Рациональные, гады. Вербовали тех, кто помоложе да покрепче. В зараженных городах самые низкие шансы на выживание у стариков, жиртрестов, инвалидов. Маленькие дети гибнут, подростки выживают. Это гребаный геноцид. Кто кого. Один биологический вид вытесняет другой. Хуже всего, насколько успела понять Наоки, дела обстоят в миролюбивых европейских странах. Варшавский договор трещит по швам, но помощь от Союза они получают. Неплохо обстоят дела у тех, кто приккнул к Японскому протекторату. Остальные превратились в звериные питомники.

Как и третий мир.

Половина Индии под пятой пришлых тварей. Часть Аф-

рики уже не спасти. В Южной Америке вторжения сметают одну банановую республику за другой.

Тенденции очевидны.

Людей отправляют на свалку истории.

И вот – прорыв в Хабаровске.

Передовые отряды рыщут по Шанхаю. Частный сектор обрабатывать легче всего. Жители высоток могут оснастить окна решетками и сигнализацией, укрыться за бронированными дверьми. Некоторые даже стены укрепляют, подают документы на серьезную перепланировку. У тех, кто побогаче, стоят пуленепробиваемые стекла. А еще, как слышала Наоки, в городе объявились наемники какого-то *профсоюза*...

Вторую волну никогда не ждешь.

А она приходит.

Снаружи – выстрелы, рев, шорох осыпающейся штукатурки. Последний звук сливается с завыванием ветра.

– Лезут! – крикнул Тадао.

Наоки сменила магазин «аша».

Заметила слева движение.

Повернулась на девять часов и всадила три одиночных в белого волка, попытавшегося прыгнуть на стену из кухни. Оборотня отбросило на многострадальную дверь ванной. Переверт сполз к своему остывающему приятелю, оставляя на белом прямоугольнике красную полосу. Приятеля Коля успел завалить до прихода Наоки.

Герасимов начал стрелять.

Наоки подняла голову – тепловизор высветил крупный звериный силуэт в комнате третьего этажа.

Поднять ствол и прошить перекрытие очередью из бронебойных пуль. Проницаемость железобетона для такого боеприпаса достигает тридцати семи сантиметров. Наоки применяла это знание редко, но сейчас – самое время. Вторая волна вполне может смести их группу.

Тварь за перекрытием дернулась несколько раз и затихла. С потолка посыпалась пыль.

Наоки вернулась к исходному сектору обстрела. Вовремя, потому что за подоконником гостиной нарисовалась тигриная пасть. Кхан вцепился когтями в дерево и начал втягивать себя внутрь. Первая пуля перебила оборотню лапу, вторая разворотила грудь. Чудище рухнуло обратно.

Грохот крупнокалиберного пулемета.

Это вступил в игру Пиксель.

– Отступаем, – приказал Сергей.

– Это приказ? – уточнила Катя.

– Да.

– А что там с подкреплением? – спросил Тадж.

– Не будет никакого подкрепления, – процедил Сергей.

Шорох статики. – Всех отзывают.

Наоки просканировала сквозь стены площадку. Красно-желтых монстров не видно, можно выдвигаться.

– Коля, прикрой меня.

Она вышла на площадку первой.

Дверь квартиры напротив разлетелась в щепки, и оттуда что-то полезло. Наоки даже не успела рассмотреть – что. Просто выпустила несколько пуль в проем, и чудище издохло.

– Я между подъездами, – сообщил Доцер.

– Хиро, Тадао – на пандус.

Это сержант.

Ночь полнится жуткими звуками. Вой, рычание, пулеметные очереди, вспышки трассирующих пуль.

Коля и Наоки бегут к спасительному проему.

Между катером и подъездом – около двадцати шагов. Наоки вновь активизирует экзоскелет, и выюга размазывается кашей по наглазникам.

Слева – тень.

Бьет очередь, зверя разрывает пополам. Пиксель, только у тебя такой калибр, с благодарностью думает Наоки, вбегая по наклонному пандусу в спасительное нутро «Ротодайна».

Вдогонку – следующая мысль.

Нас вытеснили.

Никакого удержания позиций. Никакой зачистки. Это гребаное, мать его, бегство. Организованное отступление, как сказало бы высокое и мудрое начальство.

Когда винтокрыл набирал высоту, она увидела полчища серых теней.

Переверты мчались по пустырю.

Сегодня они победили.

Тейн

Наоки проснулась ближе к полудню.

Метель закончилась. Небо все еще было серым, сквозь жалюзи просачивался мертвенный свет города.

Хотелось есть.

И кофе.

После рейда она так и не успела перекусить. Усталость взяла своё. Вернувшись домой, Наоки первым делом избавилась от бронекостюма, сходила в туалет и завалилась в постель. Уже из-под одеяла отдала приказ повысить температуру. Климатическая система ожила, наращивая столбик.

– Вам звонили, – бесстрастно сообщил компьютер.

– Позже, – буркнула Наоки, проваливаясь в уютное ничто.

Сон без сновидений.

Никаких будильников.

В полдень она проснулась сама. Зевнула, сладко потянулась, поправила сползшее одеяло. Почему-то вспомнилось детство – время, когда одеяла поправлялись нежными материнскими руками. Наоки очень рано потеряла родителей – их заменил старший брат. Когда девочка подросла, то узнала правду. Папа с мамой работали в какой-то секретной лаборатории, там случилась утечка... чего-то, что нельзя называть. Брата и сестру определили в коммерческую семью. Это вроде частного детского сада, только количество малы-

шей не должно превышать пяти. Там они и выросли. Когда Мичи достиг совершеннолетия, то смог получить доступ к отцовским счетам, перевести на свое имя правительственную компенсацию и другие накопления, оформить опеку над сестрой. После этого они жили вдвоем. Самые счастливые деньки для Наоки, лучше не придумаешь.

Брат был кем-то вроде шамана. Умел колдовать, а однажды расправился с пардусом, который вломился в таунхаус через мансардный этаж. Наоки понимала, что аренда таунхауса в Японии – дорогое удовольствие. Откуда братишка доставал деньги – загадка. Мичи порой исчезал из ее жизни на несколько дней или недель, затем появлялся. Усталый, весь какой-то измотанный. Отсыпался, много гулял. И жизнь возвращалась в привычное русло. Кем бы ни работал Мичи, зарплату он получал в неподписанных бумажных конвертах. Архаичный способ. Тем более, что весь протекторат переходил на электронные расчеты. На любые вопросы, касающиеся работы, Мичи отвечал уклончиво. Или переводил разговор на другие темы.

Уже тогда Наоки понимала, что оборотни представляют угрозу. Их становилось всё больше, по вечерам стало опасно выходить из дома. Они с братом сменили район, перебрались поближе к центру Осаки. А потом власти занялись вопросом вплотную, очистили от тварей пригороды и разделили кварталы на зоны контроля. Патрули МПД стали привычным зрелищем. Когда Наоки исполнилось шестнадцать, она

сообщила брату, что подала документы в Академию МПД. Тогда ей казалось, что это правильное решение. Все восхищались штурмовиками. Кроме того, надо же уметь за себя постоять. Мичи грустно улыбнулся и сказал, что он уважает ее выбор. Это всё, что сказал братик в тот вечер. Потом Мичи исчез окончательно. Наоки не виделась с ним уже восемь лет.

Воспоминания утратили былую остроту.

Перестали причинять боль.

Она знала, что у Мичи есть причины так поступать. Но не смогла удержаться от соблазна и пробила брата по полицейским базам. Ожидала любых сюрпризов. Наркоту, несчастный случай, игровую зависимость. Смерть от клыков переверта.

Всё оказалось гораздо хуже.

Мичи исчез.

В реальности Наоки отсутствовали любые упоминания о брате. Никаких следов. Счета, кредитные линии, договора аренды, пересечение границ, расчеты в магазинах... Человек ежедневно оставляет после себя информационный мусор.

Только не Мичи.

Полный ноль.

– Вам звонили, – сказал компьютер. – Трижды.

Наоки вздохнула и направилась в душ.

– Кто?

Домовик был примитивным и маломощным – такими

«Горизонт» оснащает все свои номера. Для сотрудников МПД устанавливались специальные протоколы безопасности, но функционал по-прежнему был далек от совершенства.

– С работы. Запустить голосовое сообщение?

– Позже, – отмахнулась Наоки.

Она имела полное право не реагировать на запросы начальства. Рейд отработан, второй раз ее не вызовут. Впереди – полноценные выходные. Два дня. Без патрулирования, брифов, физической и стрелковой подготовки. Без ничего.

И всё же – звонок.

Подождут, решила Наоки, переступая порог ванной.

Апартаменты в ЖК «Водолей» были предельно компактны и технологичны. Корпусная мебель, встроенная техника. Умные вещи, связанные локальной сетью. Стандартная планировка. Просторная комната с широким окном, радиаторы отопления. Кухня совмещена со столовой и утепленной лоджией. Прихожая – с гардеробной. Ванная – с туалетом. Зонирование, безупречная логика, ничего лишнего. Бронебойные стекла, укрепленные рамы, повышенная прочность перекрытий. Металлическая входная дверь со встроенным экранчиком полноформатного обзора. Это – вместо устаревших глазков. Вся площадка просматривается, нет слепых пятен. А еще – датчики движения и массы в подъезде, шаманская тайнопись на раме и полотне.

Гарантии безопасности.

Сейчас это важно, как никогда.

Наоки приняла душ, размышляя о том, что ей довелось пережить. В Шанхае случился массированный прорыв, и руководство «Альфы» отозвало своих бойцов, чтобы не потерять элитные отряды в тупой мясорубке. Оборотни вылезли из ниоткуда. Поступали сообщения о боях с частично перекинувшимися солдатами, вооруженными мечами, топорами и молотами. Вроде бы, у некоторых тварей оружие заколдовано и пробивает бронекостюмы. Но это не точно. Паника захлестнула служебные частоты, а потом в Хабаровск начали стягиваться части со всего региона. Это последнее, что слышала Наоки.

В глубине души нарастала тревожность.

Природа взбесилась, восстала против человека. Разбужены некие силы, которые нам не дано постичь. Наоки всё чаще думала об этом. Пыталась понять происходящее. Никто ведь не знал раньше о шаманах, перевертах, силе серебра и сдерживающих заклятиях. Японцы строили мир, который однажды объединится, полетит к звездам и сделает людей великими. Примерно так думали сёгуны, обладавшие реальной властью в протекторате. Престарелый император ничего не думал – просто сидел в своем охраняемом дворце, изредка светился на благотворительных приемах и онлайн-конференциях. Всего лишь символ.

Японский архипелаг за полвека достиг невообразимого могущества. А всё благодаря осмотрительности, проявлен-

ной императорскими стратегами во Второй мировой. В условиях нефтяной блокады и заморозки валютных активов, предки Наоки не полезли на Филиппины и не вступили в войну с США. Ограничились противостоянием с Англией и Нидерландами, в результате чего сумели оккупировать Индонезию и подчинить своей воле Китай. Хабаровск и другие континентальные владения СССР стали приятным бонусом – их удалось «отжать» в сорок седьмом году, когда Союз, не успевший восстановиться после глобальной мясорубки, утратил контроль над Дальним Востоком.

С Приморьем получилось интересно.

К сорок седьмому году власть окончательно сконцентрировалась в руках сёгунов. Уже тогда концепция протектората стала доминировать во внешней политике. Земли не завоевывались, над ними устанавливался экономический контроль. Союз сдал Приморье в аренду Китаю, а тот был вынужден отдать новые территории японцам в счет давних обязательств. Хабаровск и Владивосток даже колониями не считались. Так, автономии по странному стечению обстоятельств принявшие законы и валюту Японского архипелага. Через несколько лет сёгуну надоело играть в эти игры, и области получили статус префектур. То есть, анклавов с условно независимым правительством, глава которого назначался из Токио.

Советский Союз окреп, сделался одной из ведущих мировых держав, но так и не сумел отвоевать утраченное. Шта-

ты совершили череду катастрофичных промахов, проиграли гонку ядерных вооружений и начали плавно уходить со сцены. Расколота Европа процветала, но не являлась серьезным игроком на мировой арене. Долгое время за господство бились Советы и протекторат, в итоге первые распались.

Казалось бы, сценарий грядущих событий предрешен.

Но тут появились оборотни.

...Выбравшись из душа, Наоки включила фоном телевизор и принялась готовить поздний завтрак. Или ранний обед. С этим она еще не определилась. Для настроения выпила немного яблочного сока.

Новостные ленты пестрели экстренными репортажами из Хабаровска. Дикторы с испуганными лицами говорили о невиданном вторжении оборотней и бездействии местных властей.

– Сейчас день, и мы не можем судить об истинных масштабах катастрофы, – говорила миловидная девушка с лицом гайдзина-полукровки. – Шанхай – один из старейших и наиболее неблагополучным районов города. Как видите, здесь много ветхих домов, лачуг и малоэтажных построек, именуемых в народе «сталинками». А еще здесь возводятся многоквартирные жилые комплексы для бедняков и сельских переселенцев. Сейчас тут тихо, наш корреспондент спокойно гуляет по улицам и не боится за свою жизнь. Ужасы творятся в Шанхае по ночам.

На плоском экране мелькали знакомые картины. Днем всё

выглядело безобидно, тут с журналистами не поспоришь. Вот только соваться к перевертам, среди которых встречались воины высших уровней, Наоки без причины не стала бы. Эти засранцы освоили дневные трансы и могут запросто поотрывать головы съёмочной бригаде. Или отрубить, поскольку владеют клинковым оружием.

Наоки поставила на варочную панель кастрюлю с рисом и взялась за кабачи. Помыла и почистила овощи, стала неспешно нарезать салат. Много зелени, огурцы, оливковое масло.

Чай – позже.

Или кофе.

Она не решила.

– Власти города отказываются комментировать происходящее, но нам удалось выяснить, что МПД стягивает к Хабаровску все свои подразделения. Вероятно, сегодняшняя ночь будет горячей. Традиционно советуем нашим зрителям заполнить холодильники едой и переждать тяжелые времена в своих квартирах. Помните о том, что неподготовленный человек – легкая добыча для переверта.

Стук ножа о бамбуковую доску успокаивал.

Похоже, оборотни решили захватить новый плацдарм. Такое Наоки уже видела – в Японии и Сингапуре. Главный архипелаг протектората отбил. Сингапур пал. Твари стремительно расползались по Индонезии, но официальные новостные каналы об этом не говорили. Не хотели подрывать мо-

ральный дух и сеять панику. Наоки перевелась в одну из северных префектур с умыслом – здесь перевертов почти не было. Холодно, неуютно...

Времена меняются.

– Запусти сообщение, – вздохнула Наоки.

– Звонок поступил с номера плюс восемьдесят один четыреста двадцать три двести сорок двадцать семнадцать, – заговорил компьютер. Наоки хорошо знала этот номер, хоть и пользовалась им всего дважды. Кацуо Хадаси, заместитель начальника сектора спецподразделений МПД. Это даже не босс. Это босс большого босса. – Вызов в режиме видео.

Наоки всыпала измельченные овощи в тарелку.

– Выводи в телек. Глуши новости.

Компьютер послушно выполнил приказ. В правом верхнем углу появился суровый японец лет пятидесяти – насупленный и невыспавшийся. Звук новостных лент исчез, а господин Хадаси загромоздил собой всю телевизионную плоскость. В Японии Наоки привыкла к оцифровке стекол – передачи с одобренных властями каналов транслируются прямо в окно. За пределами центральных префектур технологии попроще. Videопанели монтируются в стены и при выключении притворяются деталью интерьера. Кухонным фартуком, например.

– Наоки Вада, – большой босс в упор посмотрел на девушку. – Боюсь, тебе придется сегодня посетить наше управление. Я бы не стал настаивать, но ситуация неординарная. С

тобой хочет встретиться один человек. И этот человек принес недобрые вести.

Девушка открыла рот, чтобы спросить, какие именно вести. Но тут же вспомнила, что просматривает запись.

Перспектива тащиться в управление через весь город не радовала.

– Скажу прямо, – продолжил господин Хадаси. – Решается вопрос о твоём переводе в другое ведомство. Будет лучше, если мы оформим перевод в твоём присутствии. Приезжай.

Конец сообщения.

Окно с большим боссом свернулось. На первый план вылез корреспондент ННК, который вел репортаж с какого-то спортивного мероприятия в Нагано.

– Выключи, – попросила Наоки.

Квартира погрузилась в тишину.

Перевод в другое ведомство? Это серьезно. Обычно такие вещи не практикуются, если, конечно, ты сама добровольно не напишешь заявление. Бывает и так, что сотрудник МПД настолько ценен, что без него никак не обойтись в одной из префектур или автономий. Наоки – обычный штурмовик. К тому же, сейчас прорыв. Силы стягиваются в Хаб, а не выводятся из него.

Бред.

Или – ошибка.

В любом случае, надо разобраться. Наоки успела прижиться в Хабаровске, ей тут нравилось. Да и аренда дешёв-

ле, чем на островах метрополии.

Что ж, сперва она поест и соберется с мыслями. Рис почти готов, в салат надо добавить немного оливкового масла.

– К вам пришли, – заявил компьютер.

– Что?

– Вывожу на экран картинку с домофона.

Никто не может проникнуть в подъезд «Водолея» с улицы, если он не относится к числу жильцов. Или не получил прямого разрешения на вход. Бронированные двери внизу оснащены биометрическими считывателями.

В телеплоскости – новая картинка.

Худой японец лет восемнадцати. Сумасшедший синий начес на голове, идиотские косички. Короткая кожаная куртка с меховыми отворотами. Черные джинсы с кучей заклепок. Ботинки высокие, армейский образец. Босодзоку? Нет, скорее – кавайный паренек, пересмотревшийся анимешных сериалов. Что это еще за клоун? Она его видит впервые в жизни.

Придурок чувствовал себя вполне уверенно.

И нагло ухмылялся.

***

– Ты кто такой? – нахмурилась Наоки.

Половину риса из кастрюли она выложила на тарелку.

– Поговорить надо.

– Я тебя не знаю.

– Меня зовут Тейн.

Дурацкое какое-то имя. Не японское совершенно. И не русское. На американца странный пришелец не похож.

Мошенник, решила Наоки.

Или продавец какой-нибудь мелочевки.

– Мне ничего не нужно. Проваливай, Тейн.

Патлатый мальчик никуда валить не собирался.

– Открой дверь, Наоки.

Девушка напряглась.

– Я знаю твое имя и бла-бла-бла, – кавайный парнишка закатил глаза. – Пропустим эту прелюдию. Тебя что, начальство не предупредило о моем визите?

Слово-то какое – «визит».

– Никто меня не предупреждал.

– Предупреждали, – уверенно заявил Тейн. – Но ты же не открываешь в такую рань почту, да? Я понимаю, после рейда надо выспаться. И делаю на это скидку. А теперьпусти меня в теплый подъезд, дорогая. И попробуем начать всё заново.

– Стой на месте, говнюк, – отрезала Наоки. – Сейчас я проверю почту.

Тейн вновь закатил глаза.

Но промолчал.

– В ящик что-нибудь сбрасывали? – обратилась Наоки к компьютеру.

– Утром поступило два письма.

– Откуда?

– Первое – от абонента с ником Тейн. Второе – из управления. Подписано именем «Глеб Измайлов».

Уже веселее.

Руководитель «Альфы».

– Открыть второе.

На экране телевизора развернулся интерфейс мессенджера Yahoo. Два запечатанных конверта. Первый – от Тейна. Курсор ткнулся во второй документ, выводя текст на большой экран.

Читая послание, Наоки всё больше хмурилась.

Глеб Измайлов сухо предупреждал подчиненную о том, что к ней должен прибыть некто Тейн, представляющий интересы «профсоюза». В обязанности Наоки вменялось обсуждение с Тейном «дела чрезвычайной важности» и всевозможное сотрудничество. О переводе в другое ведомство – ни слова.

– Впусти его, – сдалась Наоки.

Картинка с гостем исчезла.

Мессенджер – тоже.

Телевизор вновь замаскировался под фартук, оброс иллюзорными кафельными квадратиками.

Наоки перенесла тарелки с рисом и салатом к обеденному столику на утепленной лоджии. Вернулась за соком и палочками. Села на мягкую банкетку и набросилась на еду.

Мелодичный звонок в дверь.

– Кто?

– Ваш гость, – сообщил компьютер.

– Открывай.

Наоки слишком устала, чтобы бояться обратной, притворяющихся людьми. Тейн явно пришел по делу, он не собирался ее убивать.

Послышался звук полотна, втягивающегося в стену.

Сервоприводы.

Модно же...

– Разувайся в прихожей! – крикнула Наоки.

Тейн неожиданно подчинился – было слышно, как он возится со шнурками и пряжками. Куртку тоже снял, повесил на крюк. Молодец.

– Знаешь, – сказал Тейн, переступая порог кухни. – Я бы мог отправить тебе фамильяра. Если бы знал, что такая хрень с почтой.

Фамильяра...

Ты еще с бубном попрыгай.

– Я не обязана там сидеть круглые сутки.

– А можно и мне риса?

– Сам себе накладывай.

– Как скажешь.

Тейн быстро нашел чистые тарелки и палочки, выложил остатки риса, покосился на пластиковую емкость с салатом. Наоки махнула рукой. Дескать, чего уж там. И вернулась к своему позднему завтраку.

Гость придвинул банкетку и устроился за столом. Напротив хозяйки квартиры.

– Люблю традиции. Минимализм, и всё такое. Нет, чтобы картошечки с котлетками навернуть, мы же в России. Но ты – не такая.

– Мы не в России, – возразила Наоки. – Это японская префектура.

– Нюансы, – хмыкнул Тейн и занялся своей порцией. – В этом срезе – префектура. В другом – российская глубинка. В третьем – радиоактивная пустошь. Всё относительно.

– Каком еще срезе? – не поняла Наоки.

– Не бери в голову. У меня сегодня философское настроение.

– Говори, зачем пришел.

Тейн ответил не сразу.

Несколько секунд сосредоточенно пережевывал пищу, затем выдал:

– Честно говоря, не знаю с чего начать.

– У меня мало времени. Надо поехать в управление, оформить перевод. Так что ближе к сути.

– Твой перевод зависит от продуктивности нашего диалога. Поэтому можешь не спешить.

Наоки внимательно посмотрела на анимешника.

– Я слушаю.

– Итак, есть две проблемы. Первая – твой брат мертв. Вторая – у моих нанимателей кое-что пропало. И эту штуку на-

до вернуть.

Девушка не успела донести палочки до рта.

– Что ты сказал?

– Пропал важный артефакт...

– До этого.

– Твой брат мертв.

– Откуда ты знаешь?

– Поверь – знаю.

Наоки швырнула палочки на стол.

Отвернулась от гостя и уставилась в окно. Снова пошел снег. Мягкий, пушистый.

– Я тебе не верю.

– Разумеется.

– Ты его не знал даже.

Лицо Тейна посерьезнело.

– Знал. И гораздо лучше, чем ты думаешь. Мичи исчез из твоей жизни восемь лет назад. Хочешь знать – куда? Я могу рассказать о деньгах и конвертах. О многих вещах, которые не давали тебе покоя. И ты поверишь мне на слово. А затем увидишь всё собственными глазами – если, конечно, захочешь.

– Кто ты, мать твою, такой?

Верить этому мудаку не хотелось.

Мичи мертв...

Это еще требуется доказать.

– Я работаю в отделе внутренней безопасности профсою-

за.

– Что еще за профсоюз?

– Давай начнем с оборотней. Перевертов, как мы их привыкли называть. Лезут и лезут, не сладишь с ними. Откуда берутся? Не понять. Правду власти не говорят, хотя и знают.

– И в чем она, правда?

Тейн забросил в рот огурец, задумчиво прожевал.

– Переверты не из вашего мира, Наоки. Представ себе все-ленную, которая подобна дереву. Множество параллельных миров. Десятки и сотни. Возможно, тысячи. Это Многослойность. Мы называем альтернативные реальности слоями или срезами. Ведуны, вроде меня или твоего брата, умеют открывать порталы и переходить из одного среза в другой.

– А при чем тут оборотни?

– Они тоже это умеют.

Рассказ Тейна граничил с бредом, но ведь и волколаки когда-то считались фантастикой.

– Мичи – ведун?

– Был им.

– Что теперь?

– Я же сказал, он мертв. Погиб в одном из срезов, о котором ты, естественно, не слышала.

Наоки резко встала.

Прошлась по кухне из угла в угол. Верить в сказанное не хотелось, но что-то внутри подсказывало – Тейн не врет. Чуваку что-то нужно.

– Ладно, – она остановилась, чтобы набрать воды в электрочайник. Закрыла крышку, нажала кнопку. Загремела заварником и чашками, чтобы успокоить нервы. – Допустим, ты прав. Чего они добиваются?

– Ты про оборотней? Это экспансия, всё просто. Они захватывают один слой за другим. Вытесняют нас, людей. Можешь называть это борьбой за существование. Межвидовой конфликт.

– И правительство знает о Многослойности?

– Конечно, – Наоки не видела лица Тейна, но почувствовала иронию в голосе. – Не просто знает. Они обратились в профсоюз за помощью, поскольку сами не справляются. У вас тут самая настоящая оккупация, подруга.

Горсть чая отправилась в заварник.

Коробка – обратно на полку.

– Ты утверждаешь, – размеренно произнесла девушка, – что переверты лезут через порталы между мирами.

– Именно, – Тейн поднялся со своего места и начал убирать всю грязную посуду в моечную машину. – Как она включается?

– Голосом, – Наоки улыбнулась, глядя на старания чужака. Тейн искал сенсор или нечто подобное. – Компьютер, помой посуду.

Щелчок.

Заблокировалась дверца, начала набираться вода.

– Круто, – похвалил гость. – У тебя вся техника такая?

– Почти. А в твоём мире нет умных вещей?

– Есть, – признался Тейн. – Я просто не думал, что они есть и у вас. И, кстати, наши компьютеры считывают желания прямо из мозга.

– Я могу отдавать мыслекоманды, – обиделась Наоки. – Просто не хочу. Мне нравится голосовой режим.

– Твое право, – гость вернулся на лоджию и задумчиво уставился на проносящийся мимо поезд.

– Продолжай, – сказала Наоки.

– Что продолжать, – бросил через плечо Тейн. – Ваш срез – один из многих, подвергшихся нападению. Есть полностью захваченные миры. Где-то борьба идет с переменным успехом, а где-то проблемы только начались. Ты должна понять одну вещь: оборотни повсюду, они свободно странствуют между слоями и время от времени вторгаются в приглянувшиеся реальности. По какому принципу выбираются цели, никто не знает. Вот, например, с какого хрена им лезть в срез, переживший ядерную войну? Или экологическую катастрофу? Но ведь лезут. И вытесняют выживших представителей твоего вида.

– Тотальная война, – заметила Наоки.

– Межпространственная.

– А что профсоюз?

– Мы – коммерческая организация, – заявил Тейн, отворачиваясь от окна. – Объединение ведунов, боевых магов и охотников. У нас филиалы в сотнях миров. А штаб-кварти-

ра расположена в Изначалье. Считается, что Изначалье – это стержневая реальность, с которой, собственно, и началось ветвление. Схема простая: у некоего правительства возникают проблемы, оно не может справиться с внешней агрессией. Переверты лезут, население сокращается. И власти связываются с нашим представителем. Платят профсоюзу за ликвидацию хищников. Мы рассылаем своим охотникам инструкции с указанием реальности, поставленной задачи и расценок за «голову». Охотник, получивший конверт, топает к своему проводнику – волшебнику, умеющему открывать порталы. Переходит в нужный срез, делает свою работу. Возвращается домой и спустя некоторое время получает конверт с деньгами. Никаких имен, банковских счетов, кредитных линий. Никаких налогов и прочей херни. Мы обеспечиваем своим людям прикрытие – государственные структуры их не трогают. Можно хранить дома оружие и применять его в случае необходимости. Можно не заполнять налоговые декларации, ни перед кем не отчитываться за длительное отсутствие. Если операция затягивается, мы даже коммуналку и аренду своим ребятам оплачиваем. Чтобы не вылетели на улицу.

– Командировка в параллельный мир, – Наоки попробовала это утверждение на вкус. – Заманчиво.

Пришла первая догадка:

– Мичи был одним из вас? Работал на профсоюз?

– В точку. Мичи открыл в себе способности ведуна-про-

водника. Он умел перемещаться в Многослойности. Использовал эти навыки для торговли – перетаскивал технологии, гаджеты и ценные предметы из одного слоя в другой. Сколотил на этом приличное состояние.

– И где это состояние? – вырвалось у Наоки. – Я проби-вала Мичи по базам. Нет у него никаких счетов.

– В твоём мире, – уточнил Тейн. – Мичи не дурак, он хранил сбережения в безопасных срезах. Там, где нет оборотней и жесткого контроля со стороны властей. Там, где не задают лишних вопросов.

– Почему он не рассказал мне о своей работе?

Чайник выключился.

Наоки подошла к столешнице, сняла чайник с подставки и наполнила заварник кипятком. По кухне распространился аромат качественного травяного сбора.

– А сама как думаешь? Ты была маленькой и глупой. Начала бы хвастаться подружкам в школе. А здесь, на Земле-105, наше представительство открылось совсем недавно. Мы ещё не успели взять под контроль сёгунат. У вас возникли бы проблемы с властями. Общество авторитарное, не лучший вариант.

– Земля-105?

– По стандартам Изначалья. Это сто пятая точка бифуркации, открытая нашими ведунами.

– Ты всё время говоришь это слово. У нас есть шаманы, они изобрели тайнопись. Ну, и кое-какие охранные заклина-

ния. Но я не слышала, чтобы они перемещались между реальностями.

– Некоторые умеют.

– Это врожденный дар?

– Отчасти. Способности надо развивать, как ты понимаешь. Мичи нашел себе наставника в Осаке. Ему повезло. И стал проводником. У ведунов, знаешь ли, куча специализаций. Есть боевые маги, есть проводники. Мастера тайников, конструкторы реальностей.

– Почему мой брат стал работать на профсоюз?

– Долгая история. Расскажу по дороге в управление, если захочешь. Сейчас важно другое. Мичи работал на нас, поднимался по карьерной лестнице, был на хорошем счету. Быть рядовым охотником – это не для таких, как он. Два года назад Мичи перевели в Изначалье. Он стал работать в Хранилище, получил доступ к тайным знаниям и могучим артефактам. А потом кое-что украл. Нечто ценное, я бы даже сказал – *бесценное*. И эту вещь он собирался обменять на кое-что другое.

Наоки не верила своим ушам.

Сперва выяснилось, что ее брат сотрудничал с тайной межпространственной организацией охотников за перевертами, а потом – новое потрясение. Мичи – вор.

Мертвый вор.

– Ты сказал, что Мичи умер.

– Именно, – подтвердил Тейн. – Он погиб, когда пытался

совершить обмен.

– Его убили?

– Да.

– Кто?

Тейн пожал плечами:

– Мы не знаем.

Наоки почувствовала, как внутри поднимается что-то темное. Из самых глубин подсознания рвется холодная ярость, она идет на смену отрицанию. Если верить Тейну, у нее отняли единственного человека, которого она любила в жизни. Не считая родителей, лица которых вытащить из забвения всё труднее.

– Так, – Наоки попыталась взять себя в руки. Разлила напиток по чашкам, одну поставила перед гостем. – Так.

– Когда происходит нечто подобное, – Тейн сделал первый глоток и уважительно кивнул, – запускается процедура внутреннего расследования. Профсоюз вызывает меня или кого-то из моих ребят. Артефакт нужно вернуть – вот такая передо мной стоит задача.

– А я здесь причем?

– Мы подходим к самому интересному пункту программы, – ухмыльнулся Тейн. – Почему мне позарез понадобился твой перевод. Собственно, речь идет не о переводе, а об увольнении. Ты же понимаешь, официально нас нет. Профсоюз для чиновников низшего звена – просто сказка. Они бегают, потому что получили распоряжение сверху.

– Вернемся к вопросу, – Наоки грела чашку в руках, словно забыв о ее содержимом. – Причем здесь я?

– Твой брат специализировался на межпространственных тайниках. Собственно, этим он и сделал себе имя. Мог вытащить что угодно и откуда угодно. В баре, где с ним расправились, посетители видели, как из воздуха *нечто* извлекалось. Мы не знаем, успели его убийцы забрать вещь или нет. Быть может, артефакт всё еще болтается между мирами.

– Вы не можете открыть его тайники, – догадалась девушка.

– Не можем, – признал Тейн. – А вот ты, вероятно, сможешь. После обучения.

– Ты шутишь, – фыркнула Наоки. – Я не ведун. У меня никогда не было талантов Мичи.

– Ошибаешься. Ваши родители... о них известно мало, но кое-какие факты я собрал. Принять это будет тяжело.

– Говори.

– Видишь ли, один из них – не человек. Или – не совсем человек.

– А яснее выразаться можешь?

– Могу. Над оборотнями стоят иерархи, они же – основатели. Могущественные колдуны, которых также называют вендиго. Я уверен, что твой отец был вендиго.

– Бред, – Наоки допила чай и поставила чашку на барную стойку. – Папа с мамой работали в секретной лаборатории. Они погибли во время какого-то эксперимента. Поэтому нам

и выплачивали компенсацию.

– Это тебе Мичи сказал?

– Да.

– А сама пробивала?

– Пыталась. Ничего не нашла. Всё же засекречено, опечатано грифами сёгуната.

– Лаборатория – вранье. Мичи скрывал от тебя правду.

– Он любил меня!

– Поэтому и скрывал. За вендиго многие охотятся. Включая профсоюз и Нижние Сферы. Твой папа успешно скрылся в срезе, где не было наших представительств. Женился на обычной женщине. Но часть его способностей передалась и тебе, не сомневайся.

– Мне нужны доказательства.

– Получишь, – заверил анимешник. – У тебя, как я вижу, имеются разъемы для внешних устройств.

– Два, – согласилась Наоки. – Для видеопотока в реальном времени, я к нему подключаю забрало. И для карт памяти. УльтраСАТ, если что.

– Прекрасно, – кивнул Тейн. – Я добыл накопитель из вашего мира и перебросил туда информацию для тебя. То, чем я могу поделиться на данный момент. Предлагаю прокатиться в управление, глянуть и обсудить по дороге.

– Что там?

– Материалы с места гибели твоего брата. Дела ваших родителей. Стандартный набор сведений о профсоюзе. описа-

ние Столпа, но это оставь на потом.

– Столп?

– Мир, в который нам предстоит отправиться.

– Ты в нем бывал?

– Я – да.

– Понятно.

Наоки пересекла комнату, забрала опустевшую чашку Тейна и вместе со своей забросила в посудомойку. Проем вертикальной загрузки отгородился от людей каленым стеклом.

– Мне вот что непонятно, – Наоки резко обернулась к собеседнику. – Почему я вообще должна с тобой куда-то ехать? Мой брат погиб. Если это правда, я уже ничего не исправлю. Мне нравится Земля-105, как вы ее называете. Я не хочу уезжать из Хаба. В чем моя выгода?

– Переговоры, – Тейн азартно потер ладони. – Это мне нравится. Начну издалека. Профсоюз предлагает тебе серьезное вознаграждение за услуги. В валюте твоего мира, разумеется. В иенах. Остаток дней проживешь безбедно, можешь даже не работать. Быть штурмовиком – это всё же риск, и немалый.

Наоки покачала головой:

– Наш срез оккупируют.

– И ведь не поспоришь. Тебе потребуются гарантии личной безопасности, верно? В Хабаровске их нет. Этот город обречен. Если в ближайшие дни сёгун не подпишет соглаше-

ние с профсоюзом и не согласится на наши условия... весь срез падет. Поэтому тебе здесь нечего делать, Наоки. Я предлагаю в качестве дополнительного бонуса билет с «Титаника». Ты выберешь слой для жизни сама. И получишь гонорар в той валюте, которая тебе приглянется.

– Мало, – отрезала Наоки. – Этот пропавший артефакт очень ценен для вас. Я это вижу, Тейн. Поэтому давай повышать ставки.

– Чего же ты хочешь?

Девушка посмотрела в глаза визитеру.

– Убили моего брата. Я хочу выяснить, кто это сделал. Тебе нужна вещь, а мне – эти выродки.

– Хочешь отомстить.

Тейн выпрямился.

– По рукам. Собирай шмотки.

– Что?

– В эту квартиру ты уже не вернешься.

Из Хабаровска с ненавистью

Ехали в машине, взятой напрокат.

Тейн предпочитал электромобили с автопилотом, что позволяло ему «не отвлекаться на всякую ерунду». И вести задушевные разговоры с попутчиками.

Машина стояла рядом с подъездом.

– Могли бы и для гостей паркинг открыть, – бурчал Тейн, хрупая по снегу рифлеными подошвами.

– Угу, – поддакнула Наоки, складывая армейский баул и туристический рюкзак в багажное отделение, – чтобы туда переверты влезли.

Тейн не ответил.

В рюкзак Наоки сложила личные вещи, кое-какую одежду и флешку прямого подключения. В баул пришлось запихнуть бронекостюм и забрало со шлемом. Всё аккуратно упаковано и запечатано биослепками.

Одеться пришлось потеплее. Вязаная шапка, длинный пуховик с капюшоном, полосатый шарф. А еще – свитер с высоким горлом, добротные гонконгские джинсы и высокие ботинки на шнуровке. Те самые, которые были на ней в рейдах.

Профсоюзный ведун арендовал кроссовер «Тойоты», адаптированный для северных регионов. Руль выдвигался из приборной доски в случае необходимости, но Тейн признался, что еще ни разу не брал управление на себя.

Машина отъехала от уступчатого «горизонтовского» зик-курата, вырулила на четырехполосную автостраду и устремилась к Центральному району. Наоки отследила красную точку на экранчике навигатора. Точке предстояло пересечь Амур по Большому Императорскому мосту, влиться в сумасшедший поток на улице Карла Маркса и повернуть на север.

– Держи, – Тейн протянул девушке крохотный диск.

Флешка.

Наоки задумчиво повертела накопитель в руках. И приложила к нижнему затылочному разъему. Из диска выпростался гибкий шип, который проник в самое сердце нейровывода и сросся с модифицированным биоволокном. Перед глазами Наоки выскочило окно, сообщающее о подключении внешнего устройства.

*Обнаружен непроверенный накопитель данных. Разрешить доступ к обработке и внутренним ресурсам памяти?
Да/Нет*

Наоки разрешает.

И выводит в интерфейс дополненной реальности корневой каталог папок, размещенных в памяти накопителя. Все сведения аккуратно рассортированы.

Наоки погружается в изучение.

Времени мало.

Чтобы решить окончательно, на чьей она стороне, придет-

ся начать с папки «Мичи Вада».

Увидеть мертвое тело брата.

Даже не тело – останки.

Лицо сохранилось, и Наоки поняла, что ее не обманывают. Это был Мичи, хоть и повзрослевший на восемь лет. В остекленевших зрачках застыл ужас. Фотографии сделаны местными копами и слиты профсоюзу. Наоки, давясь слезами, просматривала ролики с места преступления. Опрос свидетелей, синхронный перевод на японский. Субтитры на неведомом языке. Лужи крови, выпотрошенный труп какого-то латиноса, пьяные отбросы в байкерских куртках.

Скачать.

Мичи лежит со сломанными ребрами, развороченной грудью и оторванной рукой. Это неоспоримый факт.

Кадры навечно вмонтировались в девушку.

Ей больно.

– Дерьмо.

Тейн никак не реагирует.

Смотрит на проносящиеся мимо высотки, подножия которых утопают в сугробах. Наоки хочет отдышаться, прогнать этот кошмар, поэтому папка с Мичи свернута на зрительной периферии.

– Мрази!

В ответ – молчание.

Тейн понимал, что напускным сочувствием здесь не поможешь. С тем, что Наоки увидела, ей предстоит жить.

Чтобы отвлечься, она открыла папки с делами родителей. Мама, чьи руки она так хорошо помнила, родилась на Земле-105. Азуми Вада, так ее звали. Никаких правительственных лабораторий, высших уровней допуска и прочей чепухи. Простая девушка из Гиндзы, работала кассиром в универмаге «Вако». С отцом встретилась в 1970-м году. Поженились без лишней помпы, медовый месяц провели в Таиланде. Через год появился Мичи, еще через пять – Наоки. В 1980 году Азуми гибнет в автокатастрофе – такова официальная версия. Прилагались документы, заверенные в Синдзюку. Справка о смерти, результаты вскрытия. Интерактивные ссылки, вставленные Тейном, вели на альтернативные источники информации. Везде стояли пометки о том, что документы фальшивые. Дознаватели профсоюза были уверены, что катастрофу подстроили. Выдвигались разные версии, основная – могущественный колдун или демон.

Дочитав до демона, Наоки остановилась.

Свернула вкладку, вывела Тейна и салон электромобиля в режим дополненной реальности.

На дворе 2010 год.

А тут – демоны.

– Тейн?

– Слушаю.

– Что за херня с демонами? Вы там не поехали мозгами в своем профсоюзе?

Тейн фыркнул:

– Они существуют. Расклад такой: есть люди и переверты, а еще – ангелы и демоны. Верхние и Нижние Сферы. Не спрашивай меня, есть ли Бог, и кто они такие. Я не в теме. Знаю одного чувака, который явился в Многослойность из Верхних Сфер и называет себя ангелом шестого уровня. Работает простым охотником. Зовут Евлампием Кадиловым.

– Евлампий? – Наоки подавила очередной нервный смешок. – Это же старославянское имя.

– Вроде того. Если интересно, Кадилов заговаривает святую воду, ограждает себя молитвами, а переверта может завалить обычным крестом. Таскается с Библией. Верующий до мозга костей. Так-то.

– Ты говорил о представительствах.

– В некоторых мирах Сферы открывают официальные представительства, – подтвердил Тейн. – Это чистая правда.

Они уже мчались по Карла Маркса.

Ну, как мчались. Тащились сквозь снежные завалы, объезжая неповоротливые бульдозеры коммунальчиков и посилившие от холода туши троллейбусов. Застрелили в пробках. Аккуратно проезжали перекрестки и развилки с оживленным движением. Обеденное время, трасса начинает заполняться.

– Ладно, – сломалась девушка. – И вы думаете, что маму убил демон?

– Сама посуди, – Тейн отвлекся от созерцания городских ландшафтов. – Рядовой маг не способен влиять на машины.

Организовать столкновение можно лишь одним способом – изменить карту вероятностей. Ситуация на дороге складывается таким образом, чтобы авария стала неизбежной. По сути, это легкое вмешательство в реальность. Работа с линиями судьбы. Такие штуки могут вытворять глубинные демоны, вендиго и пара волшебников из профсоюзной верхушки. У последних – алиби и отсутствие мотива.

– Я поняла, – Наоки вновь погрузилась в чтение.

Биография отца – сплошные белые пятна. На Земле-105 был известен как Сатоши Мори, но в профсоюзе считали это имя вымышленным. Неизвестно даже, был ли папа японцем. Вероятно, нет. Его личность на уровне предположений связывалась с вендиго Террисом, выходцем из магического средневекового мира, в котором современные технологии так и не развились. Террис считался основателем нескольких кланов перевертов. Неоднократно его интересы пересекались с Нижними Сферами, но до открытого противостояния не доходило. Имелись неподтвержденные сведения о том, что у Терриса возник конфликт с другим могущественным вендиго. Или с бандой диابلера, что тоже вполне вероятно. Почему вероятно, Наоки так и не поняла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.